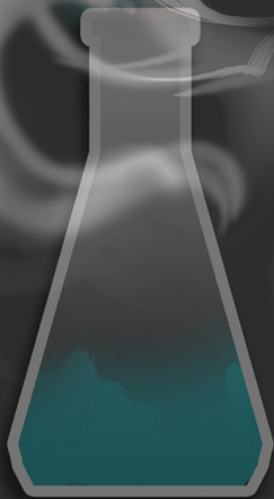

СЛОМАННЫЕ

СКАЗКИ

АРТЕМ ПОРТВЕЙН

Артем Портвейн

Сломанные сказки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094650

Сломанные сказки:

Аннотация

Сломанные сказки – это мир болезнетворной красоты и вдохновляющей боли. Тут люди торгуют своей памятью, биомашинны боятся умереть, а клонированный учёный ведёт затворнический образ жизни. Тут нет вампиров, но есть наркоманы, которые днём ютятся по подвалам, а ночью охотятся за кровью голубоглазых блондинок.

И конечно, это всё сказки. Только герои в них сломаны.

Тринадцать фантастических историй в духе Эдгара Алана По

Содержание

За глазами	4
Помнишь?	55
Доброе утро	98
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Артем Портвейн

Сломанные сказки

Мой читатель, абстрагируйся.

За глазами

*Посвящается Каргину Владимиру Юрьевичу
(08.10.1964 – 01.07.2012 г.)*

Часовицику по профессии – отцу по призванию.

История, которую вы сейчас прочитаете, начинается с весьма странных и очень кровавых событий. До определённого момента – необъяснимых и непонятных.

И, чтобы вам легче было окунуться в атмосферу данной истории, скажу, что это далеко не наши времена. А девятнадцатый век. Точный год сказать вам отказываюсь.

Вечером, двенадцатого сентября, в последний жаркий выходной, на главную улицу небольшого английского городка Олден вышел человек, которого все хорошо знали. Все, кто его узнавал, приветливо улыбались ему, махали рукой или просто здоровались.

Но сам он шёл молча, шёл вперёд с гримасой злости на лице. Толкаясь, не замечая прохожих, он пробирался сквозь толпу. Таким Вильяма Аддерли ещё никто и никогда не ви-

дел. Всегда радушный, весёлый он приветствовал людей, но сегодня его взгляд говорил о том, что он готов накинуться на каждого.

– Вильям... Мистер Вильям...

Кто-то окликнул нашего героя. Тот остановился, и через секунду к нему подбежал простоватого вида мужчина. Рабочий в немного мятой одежде.

– Что с вами?... Что-то случилось?...

Вильям остановился и повернулся.

– Аааа... Тим. Я тебя помню. Привет.

– Вильям. Сэр. Что с вами? Может, я могу помочь?

Вильям выронил злобный смешок.

– Думаю, нет.

Скалясь, мужчина засунул руку за пазуху и достал пистолет.

– Это вам зачем?! – Тим отшатнулся от своего собеседника, выставив руки вперёд.

– Ты тоже там был... тогда!

Вильям рывком поднял пистолет и.

БАХ!

Выстрелил в своего собеседника.

Раздались крики. Женский визг.

Толпа превратилась в муравейник, все бежали в разные стороны. Сталкивались друг с другом, кричали.

А Тим, теряя жизнь, медленно падал на спину в цепкие лапы смерти. По его рубашке расплзлось красное пятно.

А в глазах было недоумение.

Послышалась сирена.

Убийца оглядел толпу холодным взглядом и сорвался с места. Он бежал через ошарашенных людей в сторону маленьких улочек, где без труда смог скрыться от посторонних глаз.

Все присутствующие на площади с лёгкостью смогли опознать убийцу.

Им был Вильям Аддерли, юрист, управляющий главной юридической конторой в городе, далеко не последний человек. Но что натолкнуло его на такой поступок, оставалось для всех неизвестным.

Всегда сдержанный и почтительный, он зарекомендовал себя как настоящий джентльмен и то, что произошло несколько часов назад, совершенно было на него не похоже.

С другой стороны, с людьми и с их психикой происходит разное, и часто – необъяснимое.

Но самое странное в этом событии произошло дальше, через несколько часов после убийства...

Детектив по имени Хенри Баккет, полицейский от бога и сыщик от природы, покинув место преступления, незамедлительно направился на улицу Зелёных Стен, где и проживал Вильям Аддерли, в надежде найти там зацепки или даже саму причину произошедшего. Но то, что он там обнаружил, повергло в шок всех.

Подойдя к двери, Хенри приказал своим помощникам

сломать её.

Двое крепко сложенных людей стали, по очереди, долбить дверь.

Удар.

Ещё удар.

Дверь треснула в области замка.

Ещё несколько сильных ударов, и та бы просто упала с петель, но именно в момент, когда один из помощников занёс ногу, дверь распахнулась, и на порог вышел разъярённый и не менее удивлённый Вильям Аддерли.

– Да что здесь, чёрт возьми, происходит!!! – заорал он.

Все замерли в ступоре. Такой наглости от убийцы никто не ждал. Вильям Аддерли стоял на пороге своей квартиры в одних брюках. Его лицо было зашпанным и недоумевающим.

Стояла тишина.

– Вы могли бы мне объяснить, почему вы ломитесь в мою дверь?! Я буду жаловаться на вас!

– Вильям Аддерли? – спросил его детектив.

– Да.

– Вы обвиняетесь в убийстве человека. Проследуйте с нами.

– ЧТО?! – Вильям не был удивлён, он был возмущён. Его! Обвиняют, непогрешимого человека – Да что вы несёте?! Уберите свои руки!

Двое помощников детектива схватили ничего непонимающего Вильяма и надели на него наручники. Тот кричал и

пытался вырваться, но один худощавый адвокат не мог долго сопротивляться двум хорошо подготовленным полицейским.

Когда того выводили на улицу, десятки людей вышли посмотреть на происходящее.

По улице гулял шёпот.

– Это он... – послышалось из одного угла.

– Убийца... – донеслось из окна второго этажа.

Люди смотрели на арестованного с испугом, кто-то с удивлением, другие же с яростью и отвращением.

Только когда Вильям увидел их глаза – десятки глаз, он понял, что произошло что-то серьёзное... что-то, в чём обвиняют его....

Что-то, в чём, как он был сам уверен, не был виновен.

* * *

Спустя несколько часов Вильям Аддерли сидел в кабинете для допросов и дачи показаний. Ему привезли одежду из дома, и сейчас он ждал детектива, чтобы тот в полной мере сумел объяснить ему, что произошло. По какой причине он здесь.

Дверь открылась, и в помещение вошёл Хенри Баккет, тот самый, который ещё несколько часов назад арестовал его.

– Вы могли бы мне объяснить: что происходит? Это возмутительно! – Вильям продолжал быть озлобленным.

– Успокойтесь. Многие сейчас находятся в замешательстве. – Голос детектива был ровным.

– Как и я... За что меня забрали из дома? Вы знаете, кто я такой вообще?!?!?!?

– Вы – Вильям Аддерли, главный управляющий юридической конторы города. И вы, Вильям Аддерли, сегодня убили человека на главной площади.

– Я?! Что за идиотизм?! Во сколько это было? Я весь вечер был дома. Я спал!

– А во сколько вы легли спать?

А какое это имеет значение?! Я не помню.

– Просто убийство произошло около семи вечера. Рановато, чтобы ложиться спать, Вы так не думаете? М?

– Возможно... Я не помню, во сколько точно я лёг. Слабость накатила... А кого убили?

– Вы имеете в виду: кого Вы убили? – Хенри пытался поймать своего собеседника.

– Я никого не убивал!

– Хорошо. А Вы помните, как Вы заснули?

– Нет. Но причём тут это? Скажите мне, кого убили на площади. И почему в этом обвиняют меня?

– Хм... Всё очень странно...

– Объясните мне, что происходит! – управляющий психовал.

– Вы продолжаете утверждать, что Вы не помните?

– Я спал. Я не могу помнить того, чего не видел.

– Ну что ж... около четырёх часов назад, более сорока человек видели, как Вы застрелили Тима Олфорда.

– ЧТО!?!... – на несколько секунд Вильям потерял дар речи – Тим Олфрод убит!?

– Убит Вами.

– Такого не может быть! Тим, бедный парень... всегда мне помогал.

Вильям схватился за голову, от услышанного он стал глухо дышать.

– Как же это произошло?...

– Я уже Вам объяснял, Вы.

– Это чушь!!! – заключённый кричал – Я спал! Я... никогда бы не стал этого делать! Тим был великолепным помощником. Зачем мне его убивать?

В комнату вошли двое.

– У вас всё хорошо? – спросил помощник.

– Да. Уведите его в камеру, ему надо отдохнуть.

Вильям снова пытался сопротивляться, но двое, как и в прошлый раз, справились с худошавым джентльменом.

Детектив остался стоять в пустой комнате. В коридоре ещё были слышны возмущённые и злобные крики Вильяма Аддерли.

Хенри думал. Обладая хорошей интуицией, по какой-то неизвестной даже для себя самого причине, он верил этому бедолаге.

Погружённый в раздумья, он не заметил, как к нему по-

дошёл его друг и коллега Рэйн Артуз.

– Ну что?

Хенри вздрогнул.

– ...ты меня напугал.

– Ну, что он говорит?

– Он убеждает меня, что не совершал этого.

– Глупо как-то, десятки людей видели, как он выстрелил в того парня.

– Тот парень был его хорошим знакомым. Вот что самое удивительное...

– Ого.

– И самое удивительное, что я верю ему. Нет... Я верю не в то, что он не совершал этого преступления... Я верю в то, что он этого не помнит.

– Гипноз?

– Возможно. Но, как утверждают очевидцы, Вильям был озлоблен, и как мы знаем, люди под гипнозом не проявляют эмоций, они похожи на роботомашин, тупо и без эмоций выполняющих свою работу.

– Тогда, что ты думаешь?

– Не знаю... Возможно, Аддерли психически невменяемый человек, лунатик. А возможно, он хороший актёр и пытается нас запутать абсурдностью своего поведения. Нужно найти мотив.

– Да уж... Случай не простой.

– Но какой интересный.

С момента, когда Вильям Аддерли убил своего друга на площади, прошло несколько дней.

И был снова вечер. Уже холодный, дождливый. Часы на башне показали семь вечера, когда на центр площади вышел Даниэль Барнес, главный управляющий гостиницы «Дельфины».

Он глубоко дышал и сутулился. Злостно озирался по сторонам. Но люди шли, не замечая его.

Будничный вечер, все торопились домой, да и сам Даниэль Барнес уже давно должен был быть дома, но в тот вечер он был на площади.

Он остановился и громко выкрикнул:

– Вы все!!! Посмотрите на меня, я – вор и обманщик!

Люди удивлённо стали смотреть на одного из самых богатейших людей города.

– Что с Вами? – кто-то спросил из толпы.

– Вы жалкие! На вас даже пуль жалко, – Барнес продолжал орать, тыкая в людей пальцем.

Люди осторожно расходились, стараясь сторониться обезумевшего гражданина.

Даниэль выхватил пистолет и направил его на толпу. Снова поднялся крик и суета.

Выстрел. Обезумевший попал кому-то в ногу.

Выстрел.

Теперь у женщины было ранено плечо.

Сумасшедший стрелял без разбора. Послышалась сирена,

и вот уже Даниэль Барнес, уважаемый в городе человек, бежал в противоположную сторону от сирен.

– Предатели!

Это было последнее, что крикнул он, прежде чем скрыться в переулке.

Я понимаю, мой читатель, что эта история достаточно странная. И рассказывает события, на первый взгляд, не связанные между собой. Но не спеши так думать. Ведь дальше в моей истории появится логика и некоторые светлые моменты истины.

Но пока, спустя два часа после произошедшего, Хенри Даккет, не веря своим глазам, арестовывал Даниэля Барнеса, который, разбуженный ярим стуком в дверь, пытался вырваться из рук полиции.

Как и Вильям, Даниэль не помнил ничего, кроме того, что во время убийства он спал. Как и Вильям, он лёг достаточно рано и не помнил, как погрузился в сон. И сейчас он считал возмутительным то, что его, главного управляющего отеля, далеко не последнего человека в городе, держат взаперти.

События запутывались.

Хенри сидел в своём кабинете и курил. Думал, разбирал дела двух недавних убийств. Двух убийств, которые были связаны между собой настолько же, насколько не были связаны. Голова шла кругом.

Он верил, что эти двое действительно не помнят ничего, что произошло, он был точно уверен, что этими двумя

управлял кто-то другой.

Через некоторое время его навестил Рэйн, стоя в дверном проёме, он спросил:

– Ну, как всё проходит?

– Эти убийства связаны, я уверен.

– Почему? Может, это два сумасшедших. Совпадение.

– Может. Но очень-очень маловероятно. Если, конечно, они не использовали одинаковые психотропные вещества. Но Вильям был чист. А его психика крепка, как никогда, конечно, он испытал шок, узнав об убийстве, но это побочное явление.

– И что ты думаешь?

– Я думаю, что за этим кто-то стоит. Умелый гипнотизёр или манипулятор, но есть кто-то ещё.

– Но зачем ему это?

– Он за что-то их наказывает. Ведь теперь этих двоих ждёт суд, одного – казнь, а другого – тюремный срок. Он их наказывает, это точно.... И я уверен, что это не последний случай.

– Ты не представляешь, насколько ты прав...

Да. Я пра... что?

Хенри посмотрел в дверной проём, где стоял его друг, но там никого не было.

Детектив вскочил и выбежал в коридор. Никого.

– Рэйн?! – выкрикнул Хенри.

Тишина. Вечером в полицейском участке мало народу.

Хенри побежал по коридору и через несколько метров забежал в кабинет с надписью «детектив Рэйн Артуз».

В кабинете была тишина. На диване кто-то спал. Он подошёл ближе. Рэйн, его друг, спал на диване, используя пиджак в качестве одеяла.

– Рэйн, – Хенри потряс того за плечо.

Тот поморщился, но не проснулся.

– Рэйн, проснись, – Хенри повысил голос.

– А?!.. Что?!

Детектив Рейн дёрнулся и проснулся.

– Давно ты спишь?!

– Сплю?! Ой, слушай, кажется, я задремал и не заметил, как. А что случилось?

– Нет... Ничего. Просыпайся. Ты всё-таки на дежурстве.

* * *

Как и предполагал Хенри, убийства и покушения продолжались.

Один из политиков застрелил своего коллегу в ресторане. Директор текстильной фабрики попытался задушить одного из подчинённых во время рабочего дня.

И все, каждый из них, через несколько часов были застигнуты врасплох в своей квартире. Никто из совершивших убийство, не мог вспомнить, что он это делал. Каждый из них спал.

Но вот, после ещё двух убийств и трёх покушений, детектив Хенри понял, что нужно делать.

Он был уверен, что распутал данную загадку. И сейчас, в полной уверенности зная, что прав, пробирался в квартиру городского чиновника по имени Себастьян Блэк.

Один из помощников детектива вскрыл дверь отмычками, и вот они уже оказались внутри превосходно обставленной квартиры. Детектив, опережая всех, прошёл вперёд, открывая каждую комнату – он искал спальню.

Спустя три двери он оказался около большой двуспальной кровати, где, кто-то, накрывшись с головой, спал под одеялом.

Хенри резко откинул подол и у двух его помощников вырвались возгласы удивления.

– Черт! Опоздали. Теперь остаётся только ждать.

– Что с ним? – спросил один из помощников?

– Ничего страшного, просто на какое-то время кто-то лишил его всех его внешних признаков.

Перед ними на кровати лежало спящее тело. Кожа его была мраморно– белой, лицо – любые признаки лица отсутствовали, не было волос и ногтей. Тело было похоже на куклу, которую не успели закончить. Оно было подобием манекена в магазине.

Хенри аккуратно накрыл тело и отошёл.

– Нам остаётся только ждать, – повторил он.

– Чего? – шёпотом спросил помощник.

Когда вор вернётся. Я думаю, осталось недолго.

* * *

Хенри оказался прав. Он и двое его коллег затаились в темноте комнаты, выжидая...

Никто из них не знал, кто и когда появится. Все старались не шуметь и почти не разговаривали. Почти обездвиженное тело ныло, хотелось пить, но вот...

Послышалось, как открывается дверь.

Все затаили дыхание. В коридоре слышались медленные шаги, кто-то осторожно шёл по квартире. И вот, уже неизвестный вошёл в комнату.

Он положил что-то тяжёлое на тумбу возле кровати и резко откинул одеяло, которым был накрыт безликий человек.

– Теперь и с тобой покончено, – сказал неизвестный.

Неизвестный стал быстро раздеваться и, полностью обнажившись, подошёл к кровати. Взяв себя за лицо, он медленно потянул кожу, и та сползла с него, словно маска. Поддев ногтями, он снял с себя волосы. Медленно и аккуратно он приложил снятую кожу к спящему, и та в секунду обросла по лицевым костям, предавая безликому очертания. Тоже самое неизвестный проделал с волосами. Медленно, слабым нажимом, чтобы не разбудить, он вернул цвет глазным яблокам спящего. И вот, на кровати уже лежал Себастьян Блэк, тот самый, в квартиру которого они пробрались.

Хенри и двое его помощников наблюдали за происходящим с нескрываемым чувством удивления и слабого отвращения.

Кожу со своего тела неизвестный снял, как костюм... как перчатки... как жакет и брюки. И за несколько секунд кожа расплзлась и приняла форму своего нового владельца.

– Так, думаю мы видели достаточно. – громко сказала детектив – Взять его.

Неизвестный постарался выбежать из комнаты, но был повален на пол.

– А ну, лежать!!! – выкрикнул один из помощников – Господи, какая у него холодная кожа.

Чиновник так и не проснулся.

Хенри включил свет.

При свете ламп неизвестный выглядел странно... непонятно,... теперь он был безлик, его кожа была белой, как мрамор и гладкой, как пластик.

Он был холодный, и смотрел на детектива: это было только ощутимо, ведь у его глаз не было зрачков.

Несмотря на всю возню, Себастьян Блэк не проснулся.

– Чем ты его таким напоил? – спросил Хенри.

– Снотворным, – голос безликого сильно резонировал, дрожал, хрипел – был таким же обезличенным.

– Ясно. И зачем ты это сделал?

– Потому что он это заслужил!

– Что у него с голосом? – спросил помощник.

– У таких, как он, нет голоса. Только его подобие.

– Таких, как он?!

– У него эмплиполярный синдром. У него отсутствуют любые физические и биологические приметы человека. Кроме костного строения тела. Нет голоса, глаз, кожи... проще говоря, он пуст. Он манекен. Как сообщала лондонская власть, таких, как он, уже давно всех стерилизовали. А новые... эмпликанты уже давно не появлялись на свет.

– Я что-то слышал об этой болезни.

– Ещё двадцать лет назад такие, как он, были настоящей головной болью для полиции Англии. Что ж, причину твоего аморального поступка мы будем выяснять на суде. А пока уведите его в камеру. И накройте его чем-нибудь, чтобы он не пугал людей.

Двое, скрутив эмпликанта, вывели его из комнаты.

* * *

День суда над человеком, который своими поступками взбудоражил весь город и страну, был назначен на двадцать девятое октября.

Зал суда был переполнен. Сотни людей. Люди, которые пострадали от человека-манекена, зеваки, которые хотели увидеть человека с эмплиполярным синдромом, СМИ со своими фотоаппаратами и десятками вопросов.

Стоял настоящий хаос.

Люди толпились. Толкались. Кричали. Тыкали пальцами. Смеялись. Фотографировали.

Виновник торжества сидел в дальнем углу, в небольшой камере, словно зверь в зоопарке, выставленный всем на обозрение. Он не смотрел в сторону зала, старался не слышать выкрики людей.

Сегодня зал суда больше походил на цирковое шоу, чем на храм закона.

Вышел судья.

– Всем встать. Заседание суда начинается – прокричал прокурор.

Судья сел в свое кресло и оглядел людей. Гул стал стихать.

Судья начал.

– Сегодня... кх кх... слушается дело Майкла Хоулмза, человека, который обвиняется в четырех убийствах, трёх покушениях.

* * *

Заседание суда длилось долго, каждый хотел высказаться. Каждый пытался внести свою лепту в тюремный срок или даже казнь заключённого.

– Из-за него я несколько недель пробыл в тюрьме. От меня отвернулись родные. Жена уехала в Лондон – высказался Вильям.

* * *

– Он прострелил мне ногу на площади! – выкрикнула девушка с лавки.

* * *

– Из-за него меня чуть не убили в тюрьме – добавил ещё один чиновник.

* * *

Десятки обвинений. Некоторые из которых переходили в оскорбления и сыпались на Майкла. А он молчал. Уткнувшись своим безликим лицом в стену, он старался не слушать их.

* * *

– Из-за него меня сняли с поста управляющего фабрики!

* * *

Он молчал. Слушал. А обвинения не прекращались.

Пока не раздался стук молотка.

Судья:

– Я услышал достаточно. Теперь пришло время защиты. К сожалению, или может, к радости, ни один юрист нашего города или страны не решился защищать Майкла Хоулмза. Поэтому Майкл решил самостоятельно подготовить выступление в свою защиту. И думаю, это было бы гуманно, дать ему такую возможность.

Недовольных возгласов было достаточно. Но их все оборвал новый стук молотка.

– Тихо!!! Любой человек в этом зале, в этой стране и в этом мире имеет право на объяснение своих поступков, какими бы аморальными они не были... Майкл Хоулмз, встаньте. Суд, несмотря на ваше дерзкое и антиобщественное поведение, даёт вам возможность выступить и попробовать оправдать себя.

Майкл встал и подошёл к решётке. Он медленно поворачивал голову, оглядывая толпу своими бесцветными глазами.

– Присутствует ли здесь Хенри Баккет, детектив, который поймал меня? – спросил Майкл своим обезличенным голосом.

– Да, я здесь.

– Вы не могли бы подойти?

Хенри отделился от общей массы людей и, пройдя через центр зала, подошёл к решётке.

– Вы поймали меня, и это поистине гениально.

– Благодарю.

– Но прежде, чем я начну свою речь в собственную защиту. Я хотел бы попросить Вас рассказать, как Вы додумались найти меня. Если это, конечно, не сложно.

– Я протестую! – выкрикнул прокурор – Это не имеет отношение к делу.

– Протест отклонён – отрезал судья – Думаю, всем присутствующим здесь будет интересно, как же мистер Баккет поймал виновного.

– Что ж.... Поначалу я не видел связь между всем происходящим.

Сначала один человек беспричинно убил своего друга, потом другой расстрелял толпу.... И так далее.... Но все эти люди были из высшего общества, все они были далеко не последними людьми в городе. Важными, высокопоставленными.

– Так... продолжайте.

– Я сразу понял, что за этим стоит кто-то ещё. Другой. Но по какой причине он отбирает свои жертвы, я понять не мог. Пока не увидел связь. Все они были избраны на свои посты, получили свои места или должности в один год. И тогда я стал смотреть архивы, единственный, кто ещё не пал жертвой, был Себастьян Блэк. Он был избран на свой пост в тот же год.

– А кто назначил их всех на эту должность?

– К чему ведёт этот уродец? Заткните его!!?!?! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Да. Пускай замолчит – поддакнул ему ещё кто-то.

Не обращая внимания, детектив продолжил.

– Его назначил некий...

– Денис Крайн!!! – закончил за Хенри фразу безликий – Я прав?! Именно он двадцать второго июля отдал в распоряжение Вильяма Аддерли главную юридическую контору города. Именно он первого августа отдал во владения Даниэля Барнес...

– Что он там несёт?! – выкрикнул Даниэль Барнес.

– Да... Именно он... – подтвердил Хенри, – К чему Вы ведёте?

– Это я – Денис Крайн! – выкрикнул Майкл, – А это все... все, кого перечислили вы, кого перечислил я... все они... предатели, коррумпированные и жадные ублюдки...

– Как ты смеешь позорить имя великого Крайна! – возмутился главный юрист города.

– Заткнись Вильям, – ответил ему безликий, – Тебе я доверял больше всего.

В зале поднялся гул, перешёптывание.

Снова застучал молоток.

– ТИХО!!! ТИХО!!! – повысил голос судья.

Рты стали закрываться.

Судья задал вопрос заключённому.

– Вы хотите сказать, что Вы – тот самый Денис Крайн, мэр

нашего города, который по неизвестным причинам ушёл в отставку, а потом и погиб?

– Я не погиб! Эти люди, движимые своей жадностью и подлостью, сделали так, чтобы я исчез из этого мира.

– Это абсурд! – возмутился судья, – Крайн был великим человеком, а Вы – подлый мошенник.

– Я Денис Крайн! И я расскажу вам свою историю. И в конце, если вы мне поверите, вы поймёте, почему из благородного джентльмена я превратился в того, кого вы видите сейчас. В мстительное существо. Я не прошу помилования или оправдания... Я лишь хочу, чтобы вы выслушали мою историю.

– Это суд, а не место для рассказов какого-то сумасшедшего, – снова выкрикнул Вильям Адерли.

– Заткните этого ненормального!

– ТИХО!!! Мы дали право Майклу Хоулмзу оправдаться, так не будем забирать у него этой возможности.

Зал стих.

А Майкл Хоулмз подошёл к краю клетки и рассказал историю, которая повергла многих в шок, кого-то насмешила, кого-то заставила задуматься.

* * *

Свою историю Майкл Хоулз начал с детства, объясняя это тем, что чтобы понять его и его поступок, нужно понять всю

его жизнь.

Ему, как человеку с достаточно специфичной болезнью, жилось нелегко. Ведь люди-манекены, или по-научному – эмпликанты, зарекомендовали себя в этом мире, как достаточно скверные создания. С раннего детства многие из них, осознавая свои возможности, часто обманывали людей. Подставляли... или просто пропадали из города, прихватив с собой чужое лицо.

Сорвать с человека кожу или волосы для эмпликантов далеко не простая задача, так как для этого жертва должна была находиться в состоянии покоя. Поэтому, часто, поймав манекена с чужой плотью, в его кармане можно было обнаружить порошок из коры сонного дерева или другие наркотические или усыпляющие вещества.

Родители Сара и Кристофер Хоулз, будучи совершенно нормальными, тоже находились в немилости у большинства горожан, так как пожалели своё чадо. Пожалели и не отдали Майкла в приют, где он получил бы стерилизующую сыворотку, которая лишила бы его возможности забирать чужую кожу, волосы, глаза и так далее. А после, всю свою жизнь он бы провёл на грязной работе.

Каждый из эмпликантов в этом мире пронумерован, чтобы в любой момент его можно было опознать, если тот совершил преступление.

Жизнь манекенов далеко не проста, и этот мир, со всеми его законами и предрассудками, делает её ещё более слож-

ной. Нельзя сказать, что поступки эмпликантов сделали людей такими жестокими к этим созданиям, или же жестокие люди привели эмпликантов к тому, что те стали поступать подло.

Майкл Хоулз мог бы закончить свою жизнь и существование, как и многие другие – на каторге. Среди подобных, где один похож на другого, где единственное, что тебя отличает – это код на затылке, он вывозил бы из шахты радиоактивную пыль или камень.

Могла бы закончиться так, если бы не воспитание отца.

С детства Кристофер Хоулз говорил своему сыну, что он не такой, как все, что ему будет тяжело в этом мире и что этот мир не простит ему, если он оступится. Он говорил: «Каждый раз, когда ты увидишь, как люди косятся на тебя... каждый раз, когда ты услышишь оскорбления в свой адрес... каждый раз, когда ты почувствуешь, что ярость и злость переполняет тебя... сожми свою волю в кулак и терпи... ПОМНИ!!! Таким, как ты, ошибки не прощаются».

И Майкл помнил. Он терпел. До одного дня.

Все началось днём, на школьном дворе. Михаэль, одноклассник нашего героя, пытался затеять драку с эмпликантом. Собралось много учеников, многие не любили Майкла, и посмотреть на его унижения желали десятки учеников.

– Слышь, урод, – выкрикнул Михаэль, – не думаешь сходить позагорать, а то ты какой-то бледный.

Ученики засмеялись – Майкл молчал.

– Ты меня вообще видишь или слышишь, а? – не унимался задира.

Майкл хотел пройти мимо, но сверстник, взбешённый тем, что тот не реагирует на его оскорбления, встал и толкнул того.

– Куда идёшь?! Я вроде с тобой разговариваю.

Майкл остановился и стал ждать. Разглядывая своего врага пустыми глазами.

– Я иду домой, – ответил тому эмпликант.

– Что ты там проямлил?! Господи, да ты даже говорить нормально не можешь. Куда ты вообще после школы собираешься попасть? На каторгу?

Майкл сделал выпад вперёд и Михаэль отпрянул.

– Ууууу. Ну давай, ударь меня... – мальчишка злобно улыбался – и отправишься на каторгу уже сегодня.

Майкл замер. Внутри него бурлила злость. Но на поверхности была только безэмоциональная кожа. Белая и гладкая.

Майкл глубоко вздохнул и развернулся. Он знал, что одним кварталом правее он снова выйдет на дорогу, которая приведёт его домой.

– Ты куда пошёл? К своим родителям? Если они родили такого, как ты, то они ничем не лучше тебя...

Майкл замер. Последняя капля терпения упала в его чан ненависти и злости. Главное было держаться. Нет. Он заслуживает наказания, этот маленький ублюдок... Заслуживает... Но не сейчас, не при всех.

– Давай. Иди сюда. Я твой билет на твою любимую каторгу – мальчишка дразнил нашего героя, зазывал его распротёртыми руками.

Не сейчас...

Юный эмпликант понимал, что действовать надо хитро. Очень хитро.

Постояв ещё немного, он пошёл дальше. Слушая отдаляющиеся с каждым шагом оскорбления и смех.

Дома Майкл почти ничего не ел и почти ни с кем не разговаривал. Он думал, как он будет мстить.

Может, одеть его кожу и что-нибудь украсть в магазине у всех на глазах? Нет,... нет,... Прийти под окна учителя и накричать тому гадостей...

Нет.

Нужно было что-то более коварное...

Мысли об изощрённой мести не покидали его, не давали ему спокойно делать уроки, читать, думать, есть...

Наступила ночь. Михаэль жил на первом этаже всего в десяти домах от Майкла. И вот сейчас, выбравшись на улицу, он стоял около окон своего одноклассника.

Ставни были открыты, на это он и рассчитывал. В такие жаркие сентябрьские дни у многих были открыты окна.

Медленно, стараясь не шуметь, он подошёл к подоконнику и заглянул внутрь. Михаэль спал.

Поставив ногу на выпирающий кирпич, Майкл подтянулся.

Ещё чуть-чуть, и он первый раз в жизни примерит настоящую кожу. Ещё чуть-чуть, и он будет выглядеть, как обычный человек. Ещё чуть-чуть, и он покажет этому ублюдку Михаелю, каково это – оскорблять родителей эмпликанта.

Он подтянулся... рывок... и...

Кто-то резко схватил его за шиворот и оттащил от дома. Майкл не мог понять, что происходит. Неизвестный затащил его за угол и зажал ему рукой его безгубый рот.

Майкл мычал, пытаясь вырваться. Через минуту хватка ослабла, и мальчик выбрался из объятий.

– Да кто... Папа?

Кристофер Хоулз смотрел на него сурово.

– Пошли домой, – сказал он.

Майкл молча кивнул и направился в сторону дома.

Кристофер был в ярости. Он ходил по комнате, размахивая руками и крича. Давно он так не злился. Мать Майкла, Сара Хоулз, стояла в стороне и молчала.

– Ты о чём думал, а?!

– Но папа... он.

– Что он?! Обзывался?

– Да!

– Что я тебе на это говорил?!

– Но пап. Он оскорблял и вас.

– Мне плевать, что про меня говорит какой-то малолетний придурок... И вот, скажи мне... Что?! Что ты хотел сделать, А?!

– Я хотел забрать его кожу и что-нибудь сделать,... чтобы ему было стыдно.

– ХА! И ты думаешь, что никто бы не догадался?!.. – Кристофер Хоулз ходил по комнате, размахивая руками, – то есть, за день до этого, этот придурок оскорбляет эмпликанта, а на следующий день творит что-то, что может его опозорить... Как ты думаешь, сколько человек бы догадалось, что это ты? М?

– Ну...

– ВСЕ! Абсолютно все. Десятки эмпликантов попадались на этом... десятки. Этот мир, против таких, как ты,... но нужно терпеть...

– Мне надоело терпеть! – Майкл пытался сделать свой голос злым, – Я хочу быть как все. Да и что ждёт меня дальше, а?! Такой, как я сейчас, я никому не нужен. Ни один университет не возьмёт меня. Ни один человек не захочет, чтобы я на него работал.

– Это моя забота... Поверь, я что-нибудь придумаю.

* * *

И, Кристофер Хоулз, правда нашёл выход из положения. Он придумал, как сможет дать образование своему сыну.

Ни кто так и не узнал о том инциденте.

Майкл больше не пытался мстить и до конца школьных дней держал свою злость в сжатых кулаках.

На выпускной он не пришёл. Только спустя несколько дней, он молча забрал свой диплом из школы.

Придя домой, он положил коричневые корочки на стол и сел.

Кристофер Хоулз подошёл к своему сыну и посмотрел на диплом.

– Поздравляю!

– С чем? Думаю, он мне не сильно поможет, когда буду таскать камни в шахтах.

– Я думал, ты прошёл предварительные вступительные экзамены в юридический университет в Лондоне?

– Прoshёл. Но думаю, когда они узнают, кто я, когда они увидят меня, они найдут десятки причин, чтобы не пустить меня за ворота своего учреждения.

– Я же обещал, что придумаю что-нибудь, – Кристофер заговорчески улыбался.

– И что же ты придумал?

– Сегодня ты первый раз в жизни примеришь чужую кожу.

Глаза Майкла расширились от удивления.

– Кожу?! Где ты её взял.

Кристофер улыбнулся, тепло, любовно.

– Я с ней родился.

– ТВОЮ?! Нет, я так не могу. А как же ты? Ведь ты не сможешь нигде работать.

– Смогу. Я уже всё рассчитал.

– Я не понимаю.

Кристофер подсел к своему сыну. Улыбка не сползала с его лица.

– У меня есть знакомый врач. Помнишь? Дядя Джон?

– Конечно.

– Так вот... я объяснил ему суть своего плана... и он согласился мне помочь.

– Какого плана? Папа, что ты задумал? – Майкл не понимал.

– Твой дядя и, по совместительству, мой друг, установил, что у меня развивается язвенный супровит, и что уже через месяц, моё лицо будет покрыто язвами. Есть все справки и, уже через несколько недель, всё моё лицо будет перебинтовано. Никто не будет видеть мою кожу.

– Почему ты молчал?!?! Какой ужас.

Майкл вскочил, схватился за голову.

– Успокойся же ты, – Кристофер выпустил смешок, – Я не болен. Болен только на бумагах.

– Я не понимаю тебя.

– Ты заберёшь моё лицо, мои волосы и глаза. Мою кожу. И никто об этом не узнает.

– Как же ты? Тебя уволят.

– Моё лицо всегда будет в бинтах. И, если меня захотят уволить, то судебный иск, который я им предъявлю, разорит завод. Поверь.

– Но... – Майкл пытался сопротивляться.

– У меня есть работа и друзья. У меня есть любимая женщина, которая любит меня. Это лицо мне больше не нужно, а вот тебе... Ещё может пригодиться. Возможно, оно немного старовато для юноши, но уж прости,... другого у меня нет.

– Пап...

– Бери.

В этот день Майкл Хоулз первый раз в своей жизни ощутил теплоту кожи. Дотронулся до волос. Провёл языком по губам. Незабываемые, для такого как он, чувства. Он провёл рукой по столу и каждой клеточкой ощутил её шершавость.

Миллиарды чувств. Тысячи ощущений. Голова кружилась от новой информации.

– Пап, это потрясающе... – с замиранием сердца сказал он – Мой голос.... Это же твой голос.... Так непривычно.

– Я рад, что тебе нравится, – рябя голосовыми связками ответил ему отец.

– Спасибо. Я обещаю, что найду способ найти другую кожу.... И что верну твоё лицо тебе.... Я найду честный способ, обещаю.

– Я верю тебе. Ты умный малый, – Кристофер похлопал сына по плечу, – Просто тебе немного не повезло.

Майкл улыбнулся.

– В Лондон ты поедешь как Денис Крайн. Твои новые документы уже почти готовы.

– А это зачем?

– Серьёзные учебные заведения могут затребовать любые документы. Вплоть до медицинской истории. А Денис Крайн за всю свою жизнь болел только коклюшем и простудой.

* * *

Уже через несколько дней, Майкл Хоулз ехал в Лондон. В столицу. Он ехал в поезде, где была сотня человек, и никто на него не тарашился, никто даже не смотрел в его сторону. Без тени смущения или страха, он сумел купить себе еды в кафе. Смог улыбнуться проходящей девушке. Майкл ликовал.

* * *

Шесть лет университета. Десятки предметов, сотни знаковых, тысячи лекций. Майкл вгрызлся в юридические науки, упивался жизнью нормального человека. Не всё сразу давалось ему легко. В начале, в каждом слове, в каждой реплике, обращённой к нему, он искал подвох, оскорбление. Но со временем он понял, что сейчас люди не видят его,...

не видят его таким, какой он есть. Среди них были славные ребята, чудесные преподаватели и очаровательные девушки, которые улыбались ему, разговаривали с ним, ходили с ним на свидания. Все они были дружелюбными, ... но Майкла, на протяжении всего периода обучения, не оставлял только один вопрос. Говорили бы они с ним, улыбались ли они ему, проучился бы он здесь хоть один семестр, ... если бы он, в один день, в один миг взял и снял бы с себя маску нормального человека, обнажив своё истинное лицо.

Однажды он хотел признаться своему товарищу. Молодому студенту, с которым лучше всего сумел сблизиться. Он, без скрываемого удовольствия и улыбки, мог бы назвать его другом. Но, даже перед ним он не мог снять с себя лицо чужого человека, показав своё.

«Вдруг он решит всё рассказать, ... эмпликант с кожей... да я приравниваюсь к преступникам, ... ведь меня могут отчислить» – сотни страхов крутилось в его голове. Но, главная причина, из-за которой он молчал – это боязнь потерять друга. ... Друга, в которого верил... друга, в котором так боялся разочароваться.

Шесть лет учёбы пролетели быстро, и вот уже лондонский поезд вёз его обратно в родной город. К родителям, к людям, которые знали его таким, каким он был.

На перроне его никто не встречал, сжимая чемодан в одной руке, он побрёл к дому. Медленно, не торопясь, он осматривал улицы, которые ему были так знакомы, но от ко-

торых он отвык.

Подойдя к своему дому, поднявшись на второй этаж, дойдя до нужной квартиры, он постучал. Дверь открыла Сара Хоулз.

– Майкл?! Хах... я и забыла,... прости,... я хотела тебя встретить... прости. Она сжала своего сына в объятьях. Прижавшись к его груди.

– Как же я соскучилась!.. проходи, проходи.

– Я тоже скучал. Как вы здесь?...

– Всё хорошо... но... – Сара запнулась.

– Что но?

– Пройди. Выпьем чая.

Майкл прошёл в гостиную. Он не мог узнать её. На полках копилась пыль, завядшие цветы, грязные полы... и не только гостиная... прежде ухоженная квартира гнила изнутри под пылью, грязью и в полном хаосе.

– Что случилось?

– А, это... – Женщина отмахнулась – У меня не хватает времени, чтобы ухаживать за квартирой. Работа в магазине занимает всё свободное время...

– Ты работаешь?... А как же папа?

– Майкл, послушай.... Мы не хотели, чтобы ты беспокоился.

– Что с папой?! – наш герой повысил голос.

– Не кричи.

– Где он?

– Он в спальне. Отдыхает. Ему плохо... он болеет.

– Как долго?

– Уже несколько лет.

– И ты молчала??? – Майкл был возмущён, – Я должен был вернуться.

– Это было не моё решение, а его.

Майкл сорвался с места и быстрым шагом направился к спальне.

– Только не включай свет. Свет пагубен для него.

Он открыл дверь и вошёл в тёмную спальню. Были видны только очертания мебели, и тонкая полоска света из-за штор резала комнату.

– А, мой любимый студент, – прозвучал скрипучий голос эмплианта.

Майкл подошёл к кровати и присел. Отец лежал, почти не шевелясь. Белая мраморная грудь поднималась высоко при каждом его вздохе.

– Поздравляю тебя. Мама говорила мне, что ты окончил университет с отличием. Я горжусь тобой.

– Отец, что с тобой.

– Не знаю,... никто не знает.

– Доктор осматривал тебя?

– Меня осматривали доктора, – Кристофер был слаб, его слова были прерывисты, – Много докторов. Но никто ничего не может сказать. Но ты не переживай. Всё хорошее в этом мире заканчивается. А я был хорошим человеком. Я

это знаю.

Они ещё долго болтали. Майкл рассказывал про свои студенческие годы, а Кристофер, борясь с болью в груди, рассказывал про то, что произошло в их городке за те шесть лет.

Потом Кристофер устал и попросил оставить его.

Майкл вышел. Его мать стояла в гостиной.

– Сколько ему осталось, – глотая комок, спросил он.

– Не больше месяца. И я ещё не знаю, согласится ли священник хоронить эмпликанта. После того, как его посетили более десяти врачей, новость о том, что он остался без кожи, быстро облетала наш город.

Майкл недовольно поморщился.

– Передай, священнику, что он будет хоронить не эмпликанта. Но Эмпликант будет на похоронах.

– Я не поняла... тебя сынок.

– Поймёшь, – отрезал он.

Майкл развернулся и снова зашёл в комнату, где спал его отец. Там он пробыл около двадцати минут, а когда вышел, то снова был самим собой. Белая кожа, пустые глаза...

– Он сделал для меня многое... – его голос снова резонировал – и это единственное, что я могу сделать для него в последний раз.

* * *

Отец Майкла умер через три недели. Похороны были.

Священник согласился провести церемонию, когда увидел, что Кристофер Хоулз – обычный человек.

Церемония была скромной и не многолюдной. Близкие друзья, брат, жена и сын, на которого все смотрели искоса.

После похорон Майкл и Сара Хоулз вернулись домой. Оба молчали – им не хотелось говорить о произошедших событиях. Но мысли были полны скорби.

Только на следующий день эмпликант подошёл к матери.
– Мам. Я уезжаю. Здесь мне не найти работу. Но я буду присылать тебе деньги. Там... где меня не знают, я смогу найти работу, достойную своего образования.

– Я всё понимаю, Майкл...

– Не переживай. Я буду тебе писать. Я буду приезжать. Я буду присылать деньги. Просто здесь я пропаду, ... мы оба здесь пропадём.

– Только... Только обещай меня не забывать, – на глазах женщины навернулись слёзы.

Майкл подошёл и обнял свою мать. Крепко прижал её к себе.

– Конечно, мама. Пройдёт время, и я заберу тебя из этого чёртового города. Обещаю.

Сара заплаканная вышла из комнаты и вернулась обратно, сжимая в руке конверт.

– Это тебе... отец, откладывал с того момента, как ты уехал учиться... тут немного, но на первое время тебе должно хватить.

– Я думаю...

– Ты не думай... такому, как ты, они нужнее... я то справлюсь,... я могу сдавать две комнаты. И ещё подрабатывать.

* * *

Через несколько дней Майкл собрал небольшой чемодан и вышел из дома.

Спустя два дня ноги Майкла Хоулза вступили на пирон городка Олден.

Стараясь скрывать свою внешность, он закрывал лицо капюшоном, а руки прятал под перчатками.

В первые дни он снимал номер в дешёвой, пропахшей чужим потом, гостинице. Скандиманы, любители пыли из скандинавского камня, и проститутки всего города ошивались в её номерах. Кто-то здесь даже умирал. Но Майкл знал, что не задержится здесь надолго. Он знал, что уже через несколько недель он будет ночевать в роскошном номере отеля «Дельфины». У него был план – у него была цель.

Ночью следующего дня он отправился в самый бедный квартал города. Где жили люди, потерявшие смысл в жизни или просто не нашедшие его. Люди, которые жгли свои дни скандинавской пылью, топили свои несчастья в алкоголе. Нищета и вонь, обшарпанные стены домов и разбитые окна первых этажей. Люди, спящие на улицах, беспризорные дети.

Майкл зашёл в прокуренный трактир. Огляделся. Люди с потухшими глазами хлебали дешёвую выпивку. Курили. Почти никто не разговаривал, да и не о чем было разговаривать, ... в их жизни ничего не происходило. В углу, у самой стены, он увидел мужчину, который подносил к своим губам стопку. Он был уже изрядно пьян. Майкл подсел к нему.

– Здравствуйте, – сказал негромко наш герой.

– Ну, и тебе не хворать. Что нужно? – ответил ему пьяница.

– Я к Вам со странным предложением.

– Ну...

– Некоторые люди говорят, что Вы хотите упиться на смерть?

– Есть такое... ик... но проблема в том, что денег на такую смерть мне не хватает.

– Поэтому я пришёл к Вам.

– М?

– Я хочу купить у вас кое-что. Как человек, который скоро собирается в могилу, не думаю, что Вы будете в этом сильно нуждаться.

– Дааааа? – пьяница был заинтересован – И что же?

– Ваше лицо.

– ЧТО?!?!

– Прошу Вас, не кричите, – Майкл начал оглядываться – Я хочу купить ваше лицо.

– Я не понимаю.

Майкл замялся. Но потом молча подвинул край своего капюшона, показывая собеседнику свою кожу.

– О, Господи!!! манекен... – глаза пьяницы оказались навывкате.

– Теперь Вы меня понимаете?

– Да. И сколько ты готов заплатить?

– Восемьдесят.

– Восемьдесят пенсов... – пьяница засмеялся.

– Восемьдесят фунтов.

– Хм., – пьяньчуга снова стал серьёзным.

– Если Вы согласны... То давайте пройдем в мою гостиницу, где я заплачу Вам и заберу у Вас то, что Вам в скором времени не понадобится.

* * *

В тот день у Майкла появилось лицо. Пропитое, красное от алкоголя, но всё же лицо.

На следующий день, эмпликант снова собирался вернуться в тот район в поиске волос, глаз... и кожи. Но, когда он стал одеваться, в его дверь постучали.

Он открыл. На пороге стояли трое. Ещё один пьяница, один бездомный, которого Майкл несколько раз видел на улице, и девушка, одетая в старую поношенную одежду.

– Говорят, что Вы покупаете чужие лица, – сказал один из них.

– Лицо у меня уже есть.

– Тогда, может вам нужны волосы или глаза?

– За волосы я дам 50 фунтов, – ответил ему Майкл.

Пьяница согласился.

– Вы можете взять мои глаза, – предложил ему бездомный.

– Хорошо. 70 фунтов вас устроит?

– Конечно! – радостно ответил бездомный.

– А я. – начала девушка.

– Подожди несколько минут, я разберусь с этими джентльменами и мы с вами всё обсудим.

Девушка закивала.

Через несколько минут из номера вышли двое. Один был лыс, а другой смотрел на мир прозрачными, безэмоциональными глазами.

Девушка не ушла.

– Прошу Вас, проходите, – пригласил наш герой свою гостью.

Девушка неуверенно прошла внутрь.

– Я не знаю, что могу Вам предложить. Но мне очень нужны деньги... Может...

– Вот... – Майкл протянул свёрток.

– Что это?

– Это пятьдесят фунтов.

– Но... Но за что!?

– Я беру деньги только с обречённых, с тех, которым нече-

го терять. С тех, кого Бог наградил тем, что они так бездарно прожигают и портят. Я думаю, Вы – мать: от вас пахнет едой, а не выпивкой. И также я думаю, что дети должны видеть Вас такой, какая Вы есть. И думаю, только сильная нужда и забота о детях могла привести Вас ко мне. Поэтому, возьмите.

– Спасибо, – глаза девушки горели – Спасибо Вам большое!

* * *

Уже через неделю в двери главного юридического отдела постучался человек по имени Денис Крайн. Человек с поддельными документами и тайной под кожей. Его диплом и рекомендации преподавателей сделали своё дело. Он был принят.

Прошло ещё несколько месяцев и Денис Крайн (или Майкл Хоулз) получил повышение.

Следующие шесть месяцев упорных стараний привели эмпликанта к политическим вершинам.

Многие завидовали ему. Другие помогали. Но именно чутьё, знание того, что нужно людям, уже через два года сделали его мэром города Олден.

Человек из ниоткуда за два года добился колоссальных успехов. Преобразив себя и город.

За несколько лет он внёс много изменений в структуру города, сделав его процветающим. Бедный квартал был полно-

стью облагорожен. Был восстановлен приют для бездомных. Больница получила увеличенное финансирование. Школы и детские учреждения были полностью переоборудованы.

Как и самого себя, Майкл тянул город вверх и не видел причин, которые могли бы его остановить.

До одного дня.

В тот роковой день наш герой готовился к открытию нового, преобразившегося отеля «Дельфины». Проучивая речь, он ходил по своему кабинету.

Раздался стук.

– Войдите.

Это был Даниэль Барнес. Один из чиновников. Майкл его недолюбливал. Он чувствовал в нём скользкость. Скользкость его поступков, его характера.

– Мистер Барнес. Я Вас слушаю.

– В ближайшие дни открывается отель «Дельфины» и я хотел узнать, нашли ли Вы кого-нибудь на роль управляющего? – его голос был пропитан заискиванием.

– Конечно. Я даже не искал. Им останется прежний управляющий. Он отлично справлялся со своими обязанностями.

– Джон?! Но он же старик. Ему давно пора в отставку. А я много лет помогал ему в управлении гостиницы. Я...

– Всё, что Вы делали, это сокращали финансирование главного отеля города, – высказал ему Майкл, – Бесконтрольно. И самое главное, беспричинно. Я бывал в нём до реставрации. Жалкое зрелище.

– Деньги требовались другим учреждениям, – пытался оправдаться чиновник.

– Каким? Может разваливающейся гостинице или ночлежке, которая несколько лет была закрыта? Я попрошу Вас уйти, – наш герой жестом указал на дверь, – Думаю, после открытия отеля «Дельфины», мы будем пересматривать парламентское собрание. Многие мне ещё не ясно, думаю, некоторые расследования помогут мне во всём разобраться. А теперь не мешайте мне, я должен готовиться к выступлению.

– Но...

– Я прошу Вас, уйдите, – отрезал Майкл.

Барнес ушёл. Он был в ярости. Он! – старейший из политиков города, был унижен каким-то сопляком.

На открытие отеля «Дельфины» пришли многие жители города. Майкл говорил торжественную речь, рассказывая всем, какие изменения претерпел город. И какие преобразования его ждут.

И в конце разрезал красную ленту, которая знаменовала, что отель «Дельфины», главный отель города, открыт для постояльцев.

Майкл оглядывал аплодирующую толпу и в один момент его сердце ёкнуло. Он увидел лицо, лицо, лишённое морщин, лицо, лишённое цвета, лицо, лишённое мимики. Белое мраморное лицо в толпе.

Когда все стали расходиться, Майкл увидел, что к его машине идёт бездомный. Медленно, скрывая своё лицо под ка-

пюшоном. Незвестный помахал мэру. И, подойдя ближе, сказал.

– Ну, здравствуй, – это был пьяница из бара.

– Мы знакомы?

– Не прикидывайся идиотом. Своё лицо я узнаю где угодно.

Из под капюшона блеснула белая кожа.

– Что тебе нужно? – еле слышно спросил Майкл.

– Я хочу обратно своё лицо.

– Мы уже заключили сделку. Так что нет!

– Тогда я хочу больше денег.

– И тоже нет!

Майкл оглядывался, не наблюдают ли за ними.

– Тогда все узнают.

– Разве я тебе мало заплатил?!

– В зеркале я этого не замечал. И увидел только в фотографиях, насколько хорошим я могу быть, – бездомный засмеялся – Так что я подумал, что моё лицо может стоить намного дороже.

– Больше ты не получишь.

– Тогда я всем расскажу! ВСЕМ!!

Майкл не выдержал и схватил того за грудки. Он глубоко дышал. Злость разъедала его спокойствие.

– Послушай сюда... ты... – его голос дрожал от злости – Пьянчуга. Я дал тебе денег за то, в чём ты не нуждался, и ты согласился. А теперь проваливай, пока я не выбил из тебя

дух.

Он отпустил пьяницу. И направился к автомобилю.

* * *

Прошло несколько недель с того момента, как был открыт обновлённый отель «Дельфины», и Майкл Хоулз прогуливался по его коридорам, осматривая новое помещение.

– Сэр... О, это Вы, – его окликнул Барнес.

– Чего тебе?

– Мистер Крайн, сэр, Вы не могли бы зайти в главный зал отеля.

– Мне немного не до этого.

– Это займёт всего минуту.

Спустившись вниз, Майкл Хоулз прошёл в зал. Там было несколько человек. Всех он прекрасно знал. Все они сидели за круглым столом.

– И к чему это собрание?

– Прошу Вас мистер Крайн, присядьте, – сказал ему Вильям Аддерли, указывая на стул.

Майкл прошёл вперёд и сел за стол.

– Я слушаю.

– Недавно, я прогуливался по бедному району нашего города, – в голосе Барнеса зазвучали нотки ехидства, – И мне передали шокирующую информацию, которая очень важна для государства.

– К чему Вы клоните?

– К тому, что Вы больны, Томас Крайн. Больны настолько, что ваша болезнь, просто не допустима для занимаемой вами должности.

– Ты эмпликант!!! – выкрикнул один из-за стола.

– Да что Вы себе позволяете!!! – возмутился Майкл.

– Успокойтесь. Я согласен, это сильное заявление – продолжил Барнес, – Но есть люди, которые поговаривают всякое.

– Пусть говорят дальше, – злостно ответил наш герой, – А мне пока есть чем заняться. Такие вещи ещё нужно доказать.

– Да киньте вы его в тюрьму! Ублюдок, – раздался новый выкрик.

– Тише, господа, – настаивал Барнес – А что, если у нас есть хозяин этой прекрасной кожи, который, сняв её с вас, сможет продемонстрировать нам и всему городу ваш номерной знак. А?

На улице начинался дождь. Капли по одной, очищаясь, били в стёкла. В комнате потемнело, но никто не включал свет.

Майкл, проглотив ком, спросил.

– Что вы хотите?

– Мы подготовили несколько бумаг, – Бранес открыл свой чемодан, – На разные числа. Которые мы хотели бы, чтобы вы подписали. Бумаги о назначении. Они уже одобрены всем парламентом, нужна только ваша подпись.

– Не забудь сказать про фабрику....

– А что если я не подпишу?

– Тогда мы будем вынуждены отдать вас полиции. А так.

Вы просто можете уехать из города и через некоторое время мы скажем, что Вы ушли в отставку. Такие документы у нас тоже есть. Все, как говорится, схвачено.

– И куда же денусь я?

– Ну, Вы можете заниматься своей добродетельностью в другом месте.

Мы о Вас и не вспомним.

– А почему я Вам должен поверить? – Что, после подписания, вы не сдадите меня властям.

– Ну, милый Вы мой. Если мы Вас сдадим. Все ваши подписи станут недействительны.

Дождь становился настойчивей.

Майкл сидел и смотрел на все эти лица. Вильям Аддерли смотрел на него жадно, с отвращением. Даниэль Барнес смотрел с усмешкой. Другие чиновники тоже улыбались и скалили зубы. Ведь сегодня они получают кусочек своего пирога.

Майклу пришлось подписать. Подписать всё. Все назначения. Подписать свою отставку.

– Что ж, – Барнес театрально вздохнул, – думаю, нужно сказать «до свидания». Или уж лучше «прощайте».

Все чиновники встали.

Майкл сидел.

– Я понимаю, Вам стоит все переварить. Вас никто не торопит, – мягко, с иронией добавил чиновник.

Все вышли. Хлопнула дверь.

Майкл думал, что остался один. Он сидел и смотрел в пустоту, пока не услышал.

– Ещё раз здравствуйте, господин мэ́р, – это был знакомый голос, знакомый перегар.

Майкл быстро обернулся. Он был в ужасе. Все... все были здесь. Освещаемые, только лунным заревом. Здесь были все. Всего его прошлое.

Пьяница, у которого не было лица. Нищий, у которого не было кожи. Бездомный с пустыми глазами. Лысый бродяга. Все они были здесь. Каждый из них с частичкой его тела.

Наш герой содрогнулся. Он сорвался с места, и хотел было бежать. Но он не успел развернуться, как получил удар в челюсть от ещё одного нищего. От того, у которого он купил голос.

– Ты! Не бей по моему лицу, – злостно выкрикнул пьяница.

Майкл свалился. И они все накинудись на него. Не церемонясь, они разорвали на нём одежду. И каждый хватался за его тело. Один схватился за кожу. Другой – за глаза. Кто-то стянул волосы.

Так резко. Так больно.

Эмпликант кричал.

А потом провалился в себя. Отключив сознание. Глубоко

в себя, в полную темноту.

Потом был гром. Раскат и яркая молния.

Когда он очнулся, уже никого не было.

Ни чиновников, ни тех, кто разрывал его.

Он приподнялся, и в отражении начищенного мрамора он увидел своё лицо. Потом он посмотрел на руки. Белые, гладкие. Он провёл рукой по голове – ровный оголённый череп.

Если бы Майкл мог, он бы плакал. Он вышел из главного зала.

– Эй, ты! – это был главный управляющий...

...И он был в ярости.

– Джон! Мистер Джон! Это же я! – голос Майкла снова был пустым.

– Как ты сюда попал? Убирайся! Охрана! Убирайся, я сказал.

Майкл сорвался с места и под возгласы удивлённых постояльцев выбежал на улицу.

Он бежал. Слыша крики людей.

Он бежал из города. Под дождём. Под каплями дождя, которых он не чувствовал.

Он бежал. Зная, что ещё вернётся сюда, но не порядочным гражданином, а мстительным существом.

Вы можете ругать меня за то, что историю, которую вы услышали сейчас, незакончена. Но нет,... она полностью пришла к своему логическому завершению.

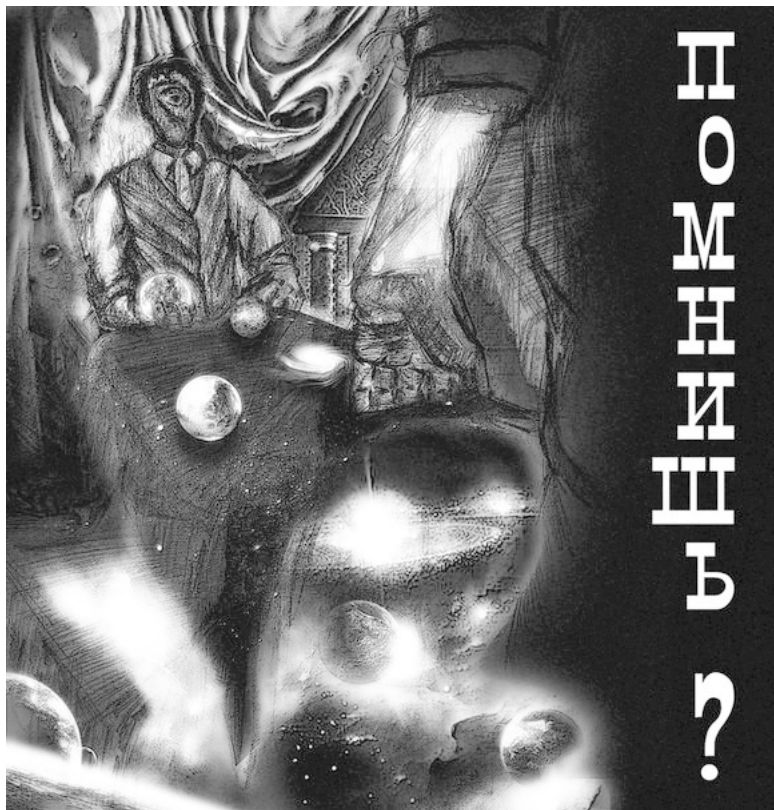
Вы хотите узнать, какой приговор вынес судья, услышав

историю Майкла Хоулза...

Простите меня, но я не скажу вам. Я хочу, чтобы вы сами, в своей голове или душе решили судьбу этого человека. Оправдали его или же осудили. Я лишь пытался доказать вам, что нельзя судить человека только по его поступкам... Ведь нашей судьбой, каждой отдельно взятой, управляем не мы... нет... Мы не хозяева.

Увы.

Помнишь?

Прежде чем вы начнёте читать новую историю из коллекции невероятного, необходимо сделать небольшое отступление

ние для того, чтобы вы лучше понимали события, которые будут описываться дальше.

Начать нужно с того, что сегодняшнюю историю я не услышал от первоисточника, мне не рассказал её очевидец. Нет. Эту историю я в буквальном смысле увидел глазами главного героя, пережил всё, что пережил он... почувствовал всё, что чувствовал он. Это было удивительно, пугающе и, конечно же, любопытно.

Думаю, вам интересно, как я смог влезть в шкуру другого человека. Увидеть его воспоминания, почувствовать его страхи и радости.

Поверьте мне, это всё гораздо прозаичней, чем вам кажется.

В наше время давно существует такое понятие, как эмоциональная память. Память о первой влюблённости, страшном моменте из детства, горечи утраты. Надеюсь, вы понимаете, о чём я говорю. Итак, однажды один учёный, если я не ошибаюсь, Клаус Вингертог, сумел вытащить из человеческого мозга ту самую частичку эмоциональной памяти. Если быть точным, он смог извлечь из своего коллеги память о том, как тому в детстве купили собаку. Тот радостный момент, когда профессор, ещё будучи ребёнком, вошёл в комнату и увидел щенка. После эксперимента коллега Клауса не помнил, как первый раз увидел своего верного пса, зато теперь перед ним на столе стояла пробирка с синей мутноватой жидкостью, где в непонятных разводах можно было разглядеть, как малень-

кий мальчик обнимает щенка. Любой другой, кто выпил бы эту жидкость, своими глазами и своими рецепторами, своей душой и сердцем почувствовал бы радость от покупки питомца.

Этот эксперимент был прорывом в области изучения мозга. Проводились всё новые и более успешные эксперименты. Клаус Вингертог удостоился нескольких научных наград. Учёные смогли извлекать плохие воспоминания человека в обычную стеклянную пробирку, освобождая того от гнетущих мыслей перед сном.

Но, как часто это бывает, научное открытие приобрело коммерческий характер. Финансовые акулы сразу увидели в данном открытии «золотую жилу». Со временем по всему миру появились клиники «Свободной Памяти» – так их прозвали. В них за определённую сумму из вашего мозга могли удалить любые воспоминания.

Но, в данной ситуации нас интересует не этот рынок. А другой, менее легальный.

Со временем многие смекнули, что эмоции будут хорошо продаваться... Ведь многие люди никогда не испытывали чувства влюблённости, а кто-то никогда не сможет почувствовать, как это – держать на руках собственного ребёнка. И тогда эмоциональные барыги по всему миру стали скупать и продавать эмоции. Любая многодетная мать, которая сводит концы с концами, с радостью продаст воспоминание о первом родившемся ребёнке, да и любая богатая девушка

могла купить такое воспоминание, если доктора сказали ей, что она не может иметь детей.

Вскоре эмоциональный рынок влился в азартные игры. Появились клубы, где люди за карточным столом играли на пробирки с памятью, неважно, на свою или купленную. Если ты проигрывался, то ты мог уйти в соседнюю комнату, где специальным устройством из тебя извлекали новые воспоминания, и уже через пару минут ты уже снова садился за стол играть, ставя на кон жёлтую, синюю или красную пробирку, в зависимости от яркости эмоции.

Но если ты проигрывался в беспамятство, то тебя вышвыривали на улицу. И ты, полностью опустошённый, шёл в неизвестном направлении, неизвестно куда.

Стены клуба, где играли на эмоции – было первое, что я увидел, выпив чужое воспоминание.

Героя данной эмоциональной памяти звали Мартин Шмид. На тот момент ему было тридцать лет, и он был давно завязавшим игроком на эмоции. Но сегодня его привела сюда не старая жажда азарта, а совершенно другое.

Он переступил порог главного игрового зала, который был уже давно пуст, и подошёл к уборщику, который мыл затоптанные полы.

– Где он?

– М?

– Проигравшийся. Мне позвонили и сказали, что здесь находится мужчина, который сегодня проигрался до полной

потери памяти. У него был мой номер.

– Аааа! – вспомнил уборщик, – Этого бедолагу выкинули на задний двор.

– Что?!?! – Мартин разозлился – Я же сказал, что пусть он посидит у вас тут.

– Я знаю, но хозяин клуба сказал выкинуть его. Я не думаю, что он далеко ушёл, сейчас он помнит только, как ходить и говорить.

– Будь другом, – Мартин огорчённо вздохнул, – проводи меня на задний двор.

Уборщик отставил швабру и направился к дальнему выходу.

Несколько минут они шли по коридорам, по подсобным помещениям клуба, которые скрывали в себе несколько комнат с нелегальными жильцами, кухню от ресторана наверху и другие помещения не совсем законного характера.

– С кем он играл?

– Бедолага нарвался на опытного игрока, все уходили из-за стола, почувствовав жаренное, но не он.

– Так с кем?

– Его звали Владимир Кстовский, говорят, в своей стране он оставил сотни людей без памяти. А потом, когда с ним перестали играть, стал путешествовать по странам, играя везде, оставляя за собой шлейф из пустых людей. С ним всегда ездит переводчик. Кстовский скрывает свою личность, зная, что сразу, как люди услышат его русский акцент, уйдут из-

за стола, так он и обманывает людей. Но ваш приятель, даже услышав его речь, продолжил играть, он словно обезумел... Может, надеялся на чудо.

– Нет. Он просто идиот.

Уборщик подошёл к железной двери и открыл её. За ней был переулок во всех его проявлениях – мусорные баки, пробегающая струя воды из канализации и тошнотворные запахи перегнившего мусора.

У одного из баков сидел мужчина, тоже, как и Мартин, тридцати лет, он непонимающе смотрел по сторонам и что-то бормотал себе под нос.

– Бедолага, – произнёс уборщик, – Если вам интересно. Говорят, портовое начальство неплохо платит за таких зомби.

– Эй! Он для меня как брат!

– Простите. Просто я предположил.

Мартин вышел в переулок и направился к своему другу.

– Три созвездия... он собрал три созвездия... – было слышно, как опустошённый бормочет себе под нос – три... созвездия.

– Эй, – осторожно начал Мартин, – Приятель, как ты?!

– Три созвездия. Как можно собрать в картах три созвездия?!

Мартин дотронулся до своего друга и тот резко отпрянул.

– Ты?!?!?! ТЫ кто такой? – было видно, что мужчина не узнаёт своего друга.

– Я... я твой друг. Меня зовут Мартин, – молодой человек делал паузы между словами, – Я пришёл забрать тебя.

– Мартин?! Мартин...

– Да, ты проигрался и поэтому...

– НУ конечно, я проигрался!!! – выкрикнул тот – Как! Как он собрал три созвездия.?!

– Пойдём... я отведу тебя домой.

– Ты сказал, что тебя зовут Мартин?

– Угу.

Манфред стал копаться в своих карманах и достал конверт. Он протянул его ему.

– Вот. На нём твоё имя.

Мартин взял конверт, на нём действительно знакомым подчерком было написано: «Другу Мартину». Он открыл конверт и достал сложенный вдвое листок, на нём было несколько строк.

«Дорогой Мартин, если ты читаешь это, значит, я сижу перед тобой в полной пустоте. Прости меня, друг. Мои намерения были чисты, сегодня меня вела не только жажда азарта. НЕТ! Ведь у вас скоро свадьба и я хотел сделать вам незабываемый подарок, но, кажется, как всегда стал обузой. Прости. Снова меня прости».

– Что там было написано?

– То, что ты тот ещё придурок. Пойдём домой.

Мартин наклонился, чтобы поднять своего товарища.

– Хм.

После недолгих препираний друг нашего героя согласился пройти с ним до дома.

Они шли несколько часов. Манфред словно в первый раз разглядывал улицы и дома. Удивляясь всему старому.

Они зашли в дом и поднялись на четвёртый этаж. Мартин постучал в квартиру – номер двадцать семь. Дверь открыла милая девушка, невысокая, с вьющимися, светлыми волосами. Её взгляд был озабочен.

– Ну что?! Ты нашёл его? – спросила она.

– Да, нашёл...

– И?

– Ну вот, смотри.

Мартин пропустил своего друга вперёд, тот прошёл в квартиру, рассматривая всё, как будто в первый раз.

– Опять! – девушка была в ярости – он опять проигрался!

– Лиза, успокойся.

Но Лиза не успокаивалась.

– Как тут успокоиться. Он попадает в неприятности, а ты его постоянно выручаешь. Так не должно быть! Что это за друг такой?!

– Чей друг? – подал голос Манфред.

– Ты пройди в комнату и ляг на диван! – выкрикнула Лиза
– Я тебя видеть не хочу!

– Будь с ним вежливее, – попросил Мартин, – Он хотел сделать нам приятное. Вот, прочитай.

Молодой человек протянул ей записку.

Лиза бегло пробежала по строчкам.

– Это его не оправдывает. Сдай его в порт!

– ЭЙ! Почему вы все заладили про этот порт.

– ДА потому что хоть там от него будет больше пользы, чем здесь!

– Он мой друг!

– И что ты намерен делать? М?

– Я узнал, кто выиграл у него память, я пойду её выкупать.

– А если тот продал, будешь опять бегать в поисках по городу, собирая её?

– Он мой друг, – повторил Мартин.

– В первую очередь он неудачник. Он уже потерял память о вашем знакомстве. И скажи-ка мне на милость, как ты будешь выкупать его память? М?

Мартин молчал. Потом вздохнул.

– Лиза.

– О, нет!!! Даже и не думай! – девушка мотала головой, – Деньги отложены на нашу свадьбу. Нам их мои и твои родители давали.

– Лиза, послушай...

– Что, Лиза послушай?! Ты каждый раз помогаешь ему, а он... всё лезет в это болото.

– Он мой друг... он мне как брат. ОН столько раз меня выручал. Он помогал мне во всём, он спасал меня от хулиганов в школе. Когда у меня не было денег, он их где-то находил.

– Где-то... так же, как и всегда, воровал или выигрывал.

– Плевать, он находил их для меня.

Лиза вздохнула и сложила руки на груди.

– Лиза, послушай. У нас будет свадьба, я обещаю. Но сейчас я должен помочь своему другу.

– Я всё понимаю, – потупив взгляд, отвечала она, – Просто... просто мне так обидно. ЗА тебя, за себя...

– Всё будет хорошо. Я обещаю. Если он ещё раз вляется в неприятности, я больше не буду ему помогать...

– Конечно будешь... – обречённо не согласилась Лиза.

* * *

Следующим утром Мартин вернулся в клуб и узнал у владельца, где мог остановиться Владимир Кстовский. Тот объяснил ему, что гость из далёкой России снимает квартиру в центре города на улице Вагнера, дом тридцать два.

Владелец клуба сказал, что тому следует поторопиться, так как Владимир намеревается отправиться в Берлин, на большие игры.

Мартин успел застать знаменитого картёжника на месте, хотя слуга уже укладывал его вещи.

Владимир был высоким статным мужчиной пятидесяти лет. Одетый в солидный костюм он разгуливал по квартире, наслаждаясь чашкой чая.

– Здравствуйте... Мартин? Вы сказали?

– Да. Я по поводу вчерашней игры.

– А что в ней было не так? Может, чая?

– Нет, спасибо, я не люблю чай, – отказался тот.

– Что ж, а я обожаю. Ужасно соскучился по крепкому, сладкому чаю. По чёрному. Я такой пил только у себя...

– Я к Вам, по поводу Манфрида.

– Аaaa, того бедолаги, которого я оставил без памяти. Честно признаюсь, мне было его очень жаль. Его отговаривали все, даже я. Но в моих отговорках он увидел слабость, а не искреннее волнение.

– Я хотел бы выкупить его память, если она, конечно, у Вас.

– Его память у меня.

– Уф... – у Мартина вырвался вдох облегчения.

– Но...

– Сэр, весь багаж уже упакован, – в комнату вошёл слуга.

– Спасибо, Густав. Я уже скоро спускаюсь.

– Сэр... – тот замялся, – понимаете, конец месяца.

– Ах, ну да.

Владимир подошёл к небольшой шкатулке, которая стояла на столе посередине комнаты, и открыл её. Там было много пробирок. Он достал одну.

– Вот..

Он протянул пробирку слуге.

– Это твоё тринадцатилетие. Всё, целиком.

Слуга взял пробирку и удалился.

– Когда-то он проигрался мне подчистую. Так о чём это

мы. Ах да, память вчерашнего несчастного. К сожалению, память не продаётся.

– Но как же так?! – наш герой был удивлён – Назовите цену.

– Деньги, как Вы могли заметить, не проблема для меня. А вот эмоции, живые, настоящие, для меня это редкость.

– Мой друг сейчас лежит в моей квартире и даже не узнаёт меня.

– Может, лучше надо было выбирать друзей? – усмехнулся Владимир.

– Может, мы сумеем договориться?

– Эмоции вашего друга очень интересны для меня. А вот деньги – нет. Но я могу предложить Вам возможность выиграть их у меня.

– Сейчас?

– Нет. Сейчас, я тороплюсь. В Берлине будет проходить большая, как её называют, эмоциональная игра. Я буду в ней участвовать. Вы бы могли присоединиться, при себе нужно иметь сто пятьдесят пробирок. И там, если мы встретимся с Вами за одним столом, я поставлю против Вас эмоции вашего друга.

– Где я возьму сто пятьдесят пробирок?!

– Думаю, у Вас была очень насыщенная жизнь, – Русский постоянно улыбался, – Покопайтесь в своей памяти. Кстати, как Вас зовут ещё раз – Мартин?

– Да.

Владимир выронил смешок.

– А Вы, Мартин, оказывается, многое не знаете о своём друге.

– Что это значит?

– Это Вам и предстоит выяснить, если Вы решите участвовать в турнире.

Владимир удалился из квартиры. Внизу его уже ждала машина, которая увезла его в неизвестном направлении.

А Мартин, спустившись вниз, направился домой.

* * *

Завидев его ещё из окна, на порог вышла Лиза. Она смотрела на Мартина вопросительно.

– Есть хорошая новость?!

Мартин вытащил большой свёрток из кармана своей куртки и протянул его девушке.

– Ну... Деньги на свадьбу у нас ещё есть.

– Это как понимать? – удивилась она.

И Мартин всё ей рассказал.

– И... что ты решил делать? – она уже знала ответ.

– Лиза, игра начинается уже через несколько дней?

– ТО есть ты решил ехать.

– У меня нет другого выбора.

– То есть, если ты там проиграешь, я останусь с деньгами, но без мужа и с этой пустоголовой болванкой, которая ва-

ляется на диване?! – Лиза вскочила с дивана и размахивала руками.

– Ты же знаешь меня, я.

– Я знаю тебя, но тебе не может всю жизнь вести. Ты ведь тоже терял свою память.

– Терял, но редко.

– Сто пятьдесят пробирок. Это ведь почти весь ты. Как же там другие играют.

– Там редко играют на свою память. Чаще всего там коллекционеры эмоций. Люди, давно зажавшиеся. Ну и, конечно, отчаявшиеся, такие, как...

– Как ты? – её голос то взрывался, то становился наполненным обречённостью.

– Я не в отчаянье. Я знаю, на что я способен, – он старался говорить уверенней, чтобы развеять страх Лизы.

– Если ты не вернёшься, я уеду с деньгами за границу и буду беспробудно пить!

– И я тебя тоже сильно люблю.

Они оба рассмеялись.

* * *

На следующий день наш герой отправился в центр извлечения памяти. Из своей головы он смог извлечь около восьмидесяти воспоминаний, которые могли бы цениться на рынке памяти. Другие пришлось покупать на всё те же свадеб-

ные деньги.

В итоге Мартин смог найти сто пятьдесят пробирок. В своей голове он оставил три основные эмоции. Это любовь к своей девушке и будущей жене, память о том, зачем он едет на эти игры. И знакомство с Владимиром, как с очень опасным игроком.

– Смотри на тебя, я никогда бы не мог подумать, что не смогу вспомнить день нашей встречи. Или наш первый поцелуй, – произнёс Мартин, стоя на вокзале.

Та грустно улыбнулась.

– Не переживай, милая. Я всё ещё помню, что люблю тебя. Я всё ещё знаю, что ты моя единственная.

Они стояли на перроне, ожидая поезда до Берлина. Мартин сжимал в руке чемодан, где аккуратно, одна к другой, были сложены воспоминания о его детстве, юности, о его родителях и первом подарке – почти вся его жизнь. И с десятков других, чужих эмоций. В чемодане лежало потрясение молодого человека, который застал свою девушку за изменой, а также пару рождений ребёнка и даже несколько убийств.

Поезд прибывал.

– Пожалуйста, возвращайся, – в глазах Лизы появились намёки на слёзы, – Никому и никогда не отдавай твою любовь ко мне.

– Никогда. Поверь.

Пока поезд полностью не остановился, Мартин не выпускал Лизу из своих объятий, словно стараясь вернуть всё то,

что хранилось в пробирках. Снова восполнить всё, что он выкачал из себя, все эмоции, которые она рождала в нём раньше.

Но вот уже раздался гудок, и Мартин впрыгнул в поезд.

На протяжении всей поездки наш герой не выпускал чемодан из рук. Боясь даже на минуту потерять того из виду. Озираясь по сторонам, отсаживаясь от всех подальше.

Путь до Берлина занял шесть часов, что сильно утомило Мартина, но выйдя из вагона, он сразу направился по назначенному адресу, туда, где проходили эмоциональные игры.

Игры должны были начаться завтра и проходили они в отеле «Зевс», в главном, большом холле.

Около здания стояло несколько десятков дорогих автомобилей. Самих же игроков переваливало за несколько сотен.

Как и предполагал Мартин, большинство из них были зажавшиеся коллекционеры. Которые даже сами не несли свои пробирки с эмоциями, за них это делали слуги. Они сдавали багаж, вносили эмоции в игровой фонд, записывали своего хозяина на игру и так далее.

Были и такие, как Мартин. Без прислуги, тащившие свои вещи сами. Чаще всего, в поношенной одежде – полупустые глаза и все мысли только о большом куше.

Мартин прошёл через весь холл и подошёл к небольшому окошку.

– Вы хотите участвовать в соревнованиях? – спросил его приёмщик.

– Да.

– Вы знаете, что должны внести сто пятьдесят пробирок?

– Конечно. Вот они.

Мартин водрузил чемодан на стол и открыл его.

– Здесь ровно сто пятьдесят.

– Хм... что ж, я хотел бы Вас настоятельно предупредить, что играть на собственные эмоции небезопасно.

– Кто Вам сказал, что я играю на свои? – иронизировал Мартин.

– Я просто должен был предупредить. Что ж, для безопасности, ваши пробирки будут помещены в именной сейф и будут выданы Вам во время игры. Игра начнётся завтра, поэтому я думаю, Вам стоит отдохнуть, вот Вам ключ от три тысячи пятьдесят пятого номера. Приятного вечера и удачной игры.

– Спасибо.

Мартин забрал ключ и направился к лифту.

– Ах, я так и думал, что Вы будете участвовать, – это был Владимир, как всегда радушно улыбаясь.

Слуга Владимира нёс его чемоданы. Безропотный, тихий, почти опустошённый.

– Здравствуйте, – поприветствовал Мартин русского, – Я должен участвовать. Только у меня вопрос, а если Вы проиграете раньше, чем мы встретимся за одним столом?

– Проиграю?!?! – Владимир громко рассмеялся, раскати-сто, так, что его смех охватил весь холл отеля и заставил об-

ратить на себя внимание нескольких человек, – Что ж... если... если такое случится, то не беспокойтесь, я не внёс эмоции вашего друга в банк. Если мы встретимся с Вами за одним столом, я просто попрошу заменить их.

– Что ж... Я рад, что у Вас всё продуманно.

– Надеюсь, что мы встретимся с Вами за одним столом. Думаю, Ваши эмоции ничем не хуже эмоций вашего друга.

– А что Вы имели ввиду, когда сказали, что я многое не знаю о своём друге?

– О, как мило, что Вы решили сохранить это в своей памяти. Что ж, чтобы это выяснить, Вам придётся меня обыграть, – русский снова усмехнулся.

После этих слов Владимир указал слуге рукой на окошко приёма и удалился.

Мартин посмотрел ему вслед и направился к лифту.

Он очень устал, и сейчас больше всего хотел отдохнуть.

Выспаться.

Ему было интересно, что же может присниться, когда в его голове пять с половиной воспоминаний из жизни.

Сон Мартина напоминал глубокую яму. Тёмную, без света и образов, без звуков. Он не бродил по ней, не кричал в ней. Он просто стоял или лежал – словно заживо погребённый в собственной голове.

Но вот, спустя неопределённое время, в яме послышался чужой голос. Далёкий, как эхо – он нарастал, приобретая более реальные очертания.

– Герр Мартин, просыпайтесь...

Яма пропала, и вот уже Мартин почувствовал под собой матрас, почувствовал одеяло.

Мартин открыл глаза и увидел гостиничный номер. Около двери стоял консьерж, он улыбался.

– Герр Мартин, доброе утро, – обратился мужчина к нашему герою – Игра начнётся через полтора часа. Сейчас я бы Вам настоятельно рекомендовал спуститься вниз и позавтракать.

– Спасибо... – ответил Мартин заспанным голосом, – Я уже просыпаюсь.

Консьерж удалился, а Мартин встал с кровати и стал приходить в себя. Холодная вода привела нашего героя в чувства и, уже спустя пятнадцать минут, он спускался в холл. Ресторан при отеле, который кормил игроков, был в соседнем зале от игрового и от самого холла. Там было много народу, но мало кто с кем разговаривал, все старались сидеть отдельно друг от друга, погрузившись в раздумья об игре.

Мартин взял овсяную кашу, кофе и тоже сел подальше от всех, благо, размеры ресторана этого позволяли, но не успел он опустить ложку в еду, как к нему за стол подсел его недавний знакомый. Владимир.

– Хороший завтрак – залог удачного дня, – произнёс он, – Если честно, я бы мог убить за блины. Но вы, немцы, просто не понимаете, как кормить настоящего мужика.

– Доброе утро, – с ложным радушьем произнёс Мартин –

Готовы к игре?

– Даже не знаю. Я так волнуюсь... – Владимир замолчал, расплылся в улыбке и громко пронзительно рассмеялся, – Я всегда готов к игре. Скажите, Вы ведь знаете, кто я такой?.

– Да, вы Владимир Кстовский. Коллекционер чужих эмоциональных воспоминаний. Игрок, который оставил в беспомысленности десятки людей...

– Сотни!

– Не столь важно. – как можно незначительней отмахнулся Мартин.

– Вы ведь тоже игрок. Я это вижу, Вас выдаёт ваше спокойствие. Вы тоже хорошо играете, но я Вас не помню, наверное потому, что когда-то однажды Вы решили завязать... Но вот интересно, почему?

– А Вы очень наблюдательны. Да, я завязал... однажды я лишился воспоминаний одного человека. Я лишил его воспоминаний, а его семью оставил без кормильца. Он пришёл в клуб и постоянно ставил свои пробы. Я выигрывал партию за партией, а он каждые полчаса бегал в кабину, вытаскивая из своей головы всё новые и новые воспоминания. И всё это было забавно, пока в клуб не вошла его жена, худая, с ямками на щеках. И ребёнок, одетый непонятно во что. Они умоляли вернуть его память, но я просто собрался и ушёл оттуда. Ночь я не спал или даже две. Я хотел избавиться от этого гнетущего воспоминания. Но не стал этого делать. Я собрал пробы и вышел из дома, я намеривался

ся вернуть всё. Я направился к дому, того бедолаги. Но... – Мартин вздохнул, – Судьба – странная вещь. Я не посмотрел на дорогу и меня сбил автомобиль. Падая на асфальт, я не чувствовал боли... Я слышал только, как бьются пробирки в моём чемодане. Память была утеряна, но я всё-таки пришёл к их дому. Жена выгнала своего мужа и тот, как зомби, стоял около их дома, не зная, кто он такой. Жена орала ему с окна, чтобы он убирался, но тот стоял, не зная, кто на него орёт и за что орёт. Жена орала сквозь слёзы. Когда она ушла, я подошёл к несчастному и увёл его. Я отвёл его в доки и продал на корабль. Перед своим отплытием я заставил написать его письмо своей жене, под мою диктовку. О том, что память он вернул, но снова продал её, чтобы прокормить семью. На следующий день его корабль отплыл, и я больше никогда его не видел. Деньги и письмо я бросил в почтовый ящик той несчастной. Вот. Дальше я не помню. Данное воспоминание я поклялся не стирать из своей головы. Поэтому это единственное, что я могу рассказать о себе, другие мои воспоминания Вам придётся выиграть.

– Вы интересный человек, Мартин. Сегодня Вы собираетесь рисковать своей судьбой ради друга. Но печально в этом то, что ваша память будет моей. Но, прежде чем её забрать, я покажу Вам то, что создаст самое насыщенное эмоциональное воспоминание. И его я тоже заберу...

Мартин отпил кофе.

– Увидим, – сухо сказал он.

Владимир оставил нашего героя и удалился. Мартин закончил завтракать и направился в зал, где должна была проходить игра.

Зал был большой. Занавешенные окна, несколько десятков игровых столов. Игроки потихоньку занимали свои места.

Уже знакомый Мартину консьерж проводил его до стола.

– Первые пятьдесят пробирок поднесут Вам перед началом игры, – его голос был учтив, – Дальнейшие пробирки вы будете получать по необходимости. Время игры за столом – один час, после игроки меняются местами, и игра продолжается. И так, пока в зале не останется один игрок.

– Я понял. Спасибо.

– Игра начнётся через десять минут. Может быть, напиток? Или сигарету?

– Нет. Спасибо.

Мартин сидел и ждал, когда начнётся игра. Зал понемногу наполнялся игроками, до первого кона оставалось всего пара минут.

В голову Мартина лез целый ворох разных мыслей. Только сейчас он почувствовал волнение, волнение сильное, с десятками вопросов «а что, если...». А что, если сегодня здесь больше опытных игроков, чем он рассчитывал. А что, если Владимир обманет его и не выставит в игру воспоминание Манфрида. А что, если... и так до бесконечности.

Но вот прозвучал звонок, оповещающий о начале игры, и

Мартин сосредоточился на своих картах.

Чтобы не мучать вас подробностями, я вскользь объясню вам правила игры. Как вы уже поняли, игра эта карточная и азартная. Называется она «звёздный, односеленный калейдоскоп», некоторые называют его просто «звездочёт». Правила игры достаточно просты, но в то же время сильно запутанны. Всем игрокам за столом выдаётся по пять карт звёздного неба. На картах могут быть изображены созвездия или кометы, могут быть нарисованы разбросанные в хаотическом порядке звезды или огромные, иногда не помещающиеся на карте планеты. Каждый игрок выкладывает на стол по одной карте за ход. Так, на столе формируется звёздное небо, данное звёздное небо являет собой предсказание о том, кто за столом заберёт выигрыш. Каждый формирует его под себя, пытаясь своим расположением звёзд изменить предсказание.

Соперниками нашего героя на первый кон стали два богатых сноба, один отчаявшийся идиот, который даже карты правильно держать не умеет, и один мужчина, который просто решил развлечь себя таким вот способом.

Сеятель, так в этой игре называют крупье, раздал карты и игра началась.

Первый кон был достаточно простым. Никто из соперников Мартина даже не умел правильно формировать млечный путь или же делать роковое предсказание из комет. Поэтому, уже к концу первого часа, в копилке Мартина было более

двухсот пробирок.

Начался второй час, и за столом снова были богачи, которые просто пытались себя развлечь.

– Нет! Нет! Так не может быть, – раздалось рядом за столом, – Как он это сделал?!?

Это был один из тех, кто ставил на кон пробирки со своей памятью. Один из тех, кто просто не умеет играть. И сейчас он в панике, ведь всё, что он помнил, кроме самых маленьких мелочей, оказалось в руках одного из коллекционеров.

– Нет! Я прошу Вас, верните мне пробирки! Я заплачу.

– Сэр, мне придётся удалить Вас, – даже с проигравшими консьерж был учтив, – Вы проиграли.

– НЕТ! Он жульничал, Сеятель с ним заодно.

– Сэр, я прошу Вас...

Но тот не унимался. На некоторое время игру пришлось остановить. В зал вошли двое охранников и в несколько движений скрутили дебошира.

Когда его уводили, он продолжал кричать. Но уже в коридоре, за закрытыми дверьми, почти не было слышно его криков. И игра продолжилась.

Мартин ходил достаточно аккуратно, он знал, что сейчас за его столом сидит профессионал, краем глаза наш герой видел, как его оппонент по игре ещё в прошлом часе сумел обхитрить сразу двоих, перебив строящиеся небо тремя кометами. Поэтому Мартин просто тянул время. Этот игрок уже смог выиграть у него больше, чем двадцать пробирок.

Прошёл ещё один час. Потом ещё одни. Мартин сидел за многими столами, играл со многими людьми. Заносчивыми и самовлюблёнными, уставшими от жизни и боящимися за свою жизнь. С людьми, которые ставили на кон сразу всё и с людьми, которые скидывали карты при малейшей угрозе. С некоторыми он попадал за один стол по несколько раз, других видел только единожды. Многие вставали из-за стола, тихо и с улыбкой благодарили за игру, другие же кричали и пытались сорвать соревнования, когда проигрывали. Людей было много, но только одного игрока Мартин так и не смог увидеть за весь день игры, это был Владимир.

Первый день игры подошёл к концу, и Мартин направился в ресторан, где подавали ужин для игроков.

– А вы отлично играете, Мартин, – произнёс Владимир за спиной Мартина.

– Вы? Где Вы были, я не видел Вас в зале.

– А я Вас прекрасно видел. И то, как Вы разгромили того несчастного шотландца. И то, как Вы тянули время с моим приятелем из Стокгольма. Кстати, за него можете не переживать, он уже вышел из игры.

– Где же Вы сидели?

– Чаще всего у вас за спиной, через несколько столов, – Владимир снова улыбнулся.

– Вы скрываетесь от меня?

И снова раздался раскатистый смех Владимира.

– Ну вы и шутник, мой друг. Нет. Просто если мы сядем с

вами за стол и Вы сможете парой хороших партий выиграть у меня воспоминания друга, то... Вы просто потеряете интерес к игре... потом потянете время и в эту же ночь пропадёте. Нет, этого я не хочу... я хочу, чтобы Вы насладились игрой, мой друг.

– А если я проиграю раньше, чем дойду до Вас? – Мартин не понимал хода мысли Владимира.

– Это будет прискорбно, – ответил он спокойно, театрально изобразив печаль, – Но я видел воспоминания вашего друга, я знаю, что Вы за человек... И поэтому.

– Что поэтому?!

– Мы увидимся с вами завтра. У Вас, как у игрока высокой категории, есть только три сильных соперника. Себастьян Варфайд – известный игрок, человек который лучше всех и даже меня умеет направлять млечный путь в свою сторону. Другой игрок, настоящий гуру кометной игры, перебивает ими любые предсказания. Вон он, тот усатый за столиком около окна. Ну и, конечно же, я.

– Зачем Вы мне всё это рассказываете?

– Ну, наверное, потому что ваши соперники знают о Вас всё, а Вы о них – ничего. Мартин, мне интересна ваша память не меньше, чем Вам память вашего друга.

– Но вы же уверены, что я проиграю...

– Я этого не говорил.

– Вы же сказали, что моя память станет вашей.

– Такой исход событий никак не зависит от карточной иг-

ры.

Мартин хотел ещё что-то спросить у таинственного русского, но тот удалился без предупреждения.

Кормили в ресторане превосходно, и самое прекрасное было в еде то, что она была бесплатной. На выбор было несколько блюд и несколько вин. А также кофе, чай и многое другое.

Закончив ужинать, Мартин поднялся к себе в номер.

В голове крутился образ его знакомого из России. Что это был за человек, он не мог понять. Вёл он себя дружелюбно, но при этом откровенно покушался на его память. Он помогает ему обойти других игроков, но тем самым ведёт его в свои же лапы. Также Мартин так и не сумел увидеть стратегию игры Владимира. Тот избегал его.

Для Мартина Владимир остался настолько же открытым человеком, насколько скрытным, и это настораживало, сбивало с толку.

В номере Мартин без сил свалился на кровать. Игра сильно выматывала, и поэтому всего в несколько секунд Мартин провалился в «тёмную яму».

* * *

Снова была тёмная яма, глубокая, без звука и света.

– Гер, Мартин! – голос консьержа.

Голос был далёким, как и прошлый раз, но сразу, как толь-

ко он проник в сон, яма начала рассасываться, выкидывая Мартина на поверхность. Что-то потрянуло его. А потом ещё раз.

– Гер, Мартин, проснитесь.

Наш герой открыл глаза: потолок гостиничного номера, а чуть левее взволнованное лицо консьержа, который навис над Мартином. Он потряхивал его плечо, надеясь так быстрее разбудить.

– О, Вы проснулись, – его голос был взволнованным, – Вставайте. Игра начнётся через десять минут, Вам нужно занять своё место, иначе звонок дадут без Вас.

Марти вскочил с кровати и стал собираться. В панической быстроте он искал свои штаны и рубашку.

– Спасибо. Я уже спускаюсь. Чёрт...

– Хорошо. Постарайтесь успеть, многие игроки уже заняли свои места. Как Вы спуститесь, я провожу Вас к вашему столу, – консьерж вышел из номера.

Мартин в спешке приводил себя в порядок. Через три минуты он уже стоял у лифта, а ещё через две вбежал в игровой зал.

Почти все уже сидели за столами, сеятели готовили колоды.

Консьерж с другой стороны зала, указал нашему герою на его стол, и Мартин поспешил туда.

– Удачи... – тихо произнёс тот.

– Спасибо. Сегодня она мне понадобится... Как никогда.

Раздался звонок.

– Господа, – громко произнёс консьерж, – игра начинается, просьба всех сосредоточиться.

Начались первые раздачи карт. И уже в начальный кон в руках Мартина оказались две кометы.

Первый стол был достаточно лёгким, все игроки только начинали разминаться, Мартин потерял только несколько пробилок, да и то не своей памяти.

Второй стол был сложнее, за ним был один агрессивный игрок, который выбил из игры троих и смог высосать много колб из Мартина. Это было невероятно, он разбивал кометы кометами, и смог получить в свою раздачу две планеты.

Нашего героя спас только звонок о смене столов.

Такая игра заставила Мартина поволноваться. Игрок был просто сумасшедший, он ставил по десять или даже по тридцать пробилок за один раз. Если в этом зале были ещё такие же безбашенные игроки как этот, то это могло очень плохо кончиться для Мартина.

Люди редели. Уходили тихо, благородно приняв поражения или же уходили крича, и разбивая на последок пару пробилок об стену, покрывая ругательствами обслугу.

И вот за последний стол сели четыре игрока.

Тот ненормальный, который чуть не опустошил Мартина за вторым столом. Себастьян Варфайд – про которого рассказывал Владимир. Сам Мартин, ну и, конечно же, тот из-за кого наш герой оказался здесь. Владимир. Владимир Кстов-

ский, таинственный и как всегда добродушно– улыбочивый.

В игровом зале остались четыре игрока, пару человек обслуги и с десятков зрителей, тех, кому было интересно, как закончится игра.

– Я рад, что Вы добрались до финала, Мартин. Я уже заменил пробирки, так что Вы можете смело выигрывать их у меня.

Владимир снова рассмеялся. Рассмеялись и другие.

Сеятель раздал первые карты и игра началась.

Владимир был как всегда спокоен. Даже к нападкам того ненормального, даже когда тот ставил по пятьдесят пробинок.

Мартин пытался стравливать игроков, тем самым теряя по минимуму, но уже к десятой раздаче его банк потерял сто тридцать пробинок. На один кон в его копилку пришло воспоминание Манфрида, но уже в следующем он его потерял.

Мартин был в отчаянье. Себастьян Варфайд – был действительно талантливым игроком, который заставлял плясать млечный путь под себя, а ненормальный выкладывал по две планеты в ход – просто невероятное везенье.

Но вот Мартин открыл свои новые карты. В его распоряжение оказалось три планеты. Большие, с кольцами. Он знал, что нужно делать... и эта была его единственная возможность повернуть игру в другое русло.

Владимир выложил созвездие. И ненормальный сделал так же – начинался формироваться новый млечный путь. Се-

бастьян Варфайд выставил комету. Мартин выложил планету.

Владимир продолжал сеять звёзды. А ненормальный выложил планету и поднял ставки до сорока пробирок. Себастьян Варфайд продолжил и разместил на карте созвездие. Мартин выложил ещё одну планету.

Владимир посмотрел на Мартина с волнением, догадываясь, что собирается сделать его оппонент.

– Скажите, Мартин, разве это так необходимо? – спросил он.

– Для себя я не вижу другого выхода.

Владимир улыбнулся и выложил на стол планету. Ненормальный не обратил внимания на ход соперника, и тоже выставил планету. Когда на столе оказалось уже четыре планеты, Себастьян Варфайд тоже почувствовал неладное, но выложил новый кусок звёздного неба.

Ход был за Мартином.

– Вы точно этого хотите? – повторно спросил Владимир.

– Да. Так мои шансы будут хотя бы один к четырём.

– Да он блефует, – выдал ненормальный, – Вы думаете, что он решит устроить апокалипсис, столкновение пяти планет. Он это делает лишь потому, что хочет, чтобы мы скинулись ему пробирками.

– Может это и правда так, м? – поинтересовался русский

– Я думаю, каждый бы из нас решил увеличить ваш банк – сбросив по пятьдесят колб.

– Не видите на его провокацию, – выкрикнул ненормальный.

– Да, я думаю, я бы тоже решил сделать это, – согласился Себастьян Варфайд, – И вернуть Вам часть пробирок.

– Прошу покорно меня простить. Но эти пробирки Вы также выиграете у меня снова. По этому... – Мартин поднял карту и занёс её над столом.

– Ты, что?! И вправду собираешься это сделать?! – ненормальный запаниковал – Идиот!

Но вот на стол легла карта с пятой планетой. Что означало столкновение планет, неминуемый апокалипсис. Действие, когда все игроки за столом должны сложить все пробирки в общий банк и надеется на удачу, в дополнительной колоде.

Консьерж передал сеятелю дополнительную колоду.

Другие её называли колодой мёртвых карт. Все карты в ней, кроме одной чёрного цвета, означающие, что игрок не пережил великий взрыв. Одна же карта голубого цвета – карта жизни. Игроки по очереди тянут карту, пока не выяснится, кто же выжил после апокалипсиса.

– Что это за игра?! – ненормальный негодовал, – Разве джентльмены так поступают?

Владимир тянул первый, и в его руке оказалась чёрная карта. Потом резко и нервно вытянул карту ненормальный. И это тоже была чёрная карта. Себастьян Варфайд тянул третьим, его тоже ждала неудача.

Потом был Мартин, и снова чёрная.

Круг повторился.

После третьего круга, когда Мартин потянулся к колоде, Владимир усмехнулся.

– Что смешного? – ненормальный был раздражён.

Владимир встал из-за стола, закурил и направился к выходу.

– Эй?! Вы куда пошли? Господи, эти русские...

Мартин вытянул карту и перевернул её, показывая всем живительный синий цвет карточной изнанки.

– Чёрт, чёрт! – ненормальный ударил по столу.

Все вышли из-за стола, все, кроме Мартина. Он сидел, сжимая синюю карту, не веря в своё везенье.

Все немногочисленные зрители поаплодировали ему.

Себастьян Варфайд подошёл к нашему герою и похлопал его по плечу.

– Вы очень рискованный человек... – сказал он, – И везучий, удачи Вам. Если Вы решите продать эти воспоминания, я с удовольствием куплю их у Вас.

– Я задумаюсь над этим.

Когда зал опустел, Мартин вышел на улицу. Около входа в отель стоял Владимир, как всегда, улыбаясь. Он поманил нашего героя рукой.

– Я поздравляю Вас с победой, мой друг, – радушно произнёс он, было ощущение, что проигрыш его совсем не волнует.

– Спасибо.

– Много адреналина было в ней. Вы молодец. Воспоминания вашего друга, думаю, уже пакуются, смотрите не перепутайте их с другими, – и, как всегда, разразился своим фирменным смехом.

– Я постараюсь.

– Ах да... я не был с Вами до конца честен, вот ещё одна пробирка.

Владимир достал из кармана своего пиджака красную, багрово красную пробирку. До краёв наполненную яркой эмоцией.

– Что это?

– Оооо... это воспоминание влюблённости, смешанное с угрызением совести.

– Что за бред, Манфريد не был влюблён.

– Так может ваш друг вам чего-то не договаривает. М? – Владимир улыбнулся.

– Плевать. Я не стану копаться в чужих воспоминаниях.

– А если скажу, что эти воспоминания связаны с Вами.

– М? – Мартин невольно взгляделся в пробирку.

Владимир, улыбаясь, протянул пробирку нашему герою.

– Мартин, поверьте мне, в данной ситуации я Вам больше друг, чем тот, ради кого Вы жертвовали своей памятью.

Мартин колебался, но Владимир сумел надавить на его любопытство. В колбе виднелись неясные силуэт, как один молодой человек обнимает девушку, но их было не разобрать.

– Мы всегда можем вытащить из Вас это воспоминание, – добил Владимир аргументом.

Мартин взял пробирку в руки и откупорил её. Сглотнув слюну, он поднёс её к губам и сделал большой глоток. Мягкая, немного сладковатая слизь побежала по его горлу, и уже через несколько секунд он вспомнил то, что ещё несколько минут назад даже не знал.

* * *

Мартин стоял около входа в отель, а в его глазах крутились воспоминания друга. Немного оборванные, слегка неясные.

Каждая секунда новой эмоциональной памяти наносила Мартину удар по сердцу. Колкий, сильный, болезненный, словно ножевой.

Он стоял, как вкопанный, смотря в своей голове, как Манфريد, его лучший друг, тот, кого он много раз спасал, тот, который много раз помогал ему.

Он стоял, как вкопанный, смотря в своей голове, как Манфريد, тот, кому он всегда верил, целовал его девушку. Целовал Лизу. Обнимал её. А та, улыбаясь, целовала его в ответ, гладила его по волосам и смотрела на него влюблёнными глазами, такими, каких Мартин не видел у неё. Она никогда не смотрела на него таким взглядом, взглядом восхищения и необычной привязанности.

Она говорила.

– Манфريد, мне не по себе.

– Мне тоже, – отвечал тот, – Но я ничего не могу с собой поделать, я люблю тебя.

– И я тебя. Просто Мартин...

– Мартин. Мартин. Забудь о нём, когда ты появилась в его жизни... уже тогда я понял, что он тебя не достоин. Он скучный и правильный. А я вижу в твоих глазах авантюризм. Мы должны быть вместе. Если бы мы не были созданы друг для друга, нас бы не тянуло так друг к другу.

– Согласна... – почти шёпотом произнесла она.

– Деньги, которые вы отложили на свадьбу, мы возьмём их... мы оставим ему немного.

– Мы ведь его придаём.

– НЕТ! В первую очередь мы спасаем себя. Думать нужно о себе, в первую очередь.

– Думаешь... нам хватит этих денег?

– Завтра я пойду в игровой клуб и заработаю ещё, – уверенно произнёс Манфред.

– Не стоит. Ведь у тебя проблема с этими играми.

– Я выиграю и мы уедем. Ещё пару дней.

Они снова обнялись. Снова поцеловались.

Воспоминание закончилось.

И...

Не веря, Мартин повалился на лестницу.

Глаза давились слезами, а горло сдавила тугая рука обиды.

Он не мог поверить, он хотел разорвать свою голову, вы-

тащить это воспоминание. Сломать грудную клетку и избавиться свой кровокачающий насос от боли.

– Аааааа, – Мартин кричал, – Я прошу, вытащите! Вытащите это из меня! Как же так... за что, ведь я их так любил... обоих. Я верил им... каждому! Ааааа... За что?!

– Я открыл Вам глаза, это самое малое, что я мог сделать, чтобы выразить Вам своё уважение, – голос Владимира был спокойным, – Что делать зрячим, это уже Ваше дело. Прощайте.

Владимир дал знак слуге и тот направился к автомобилю. Кстовский уже почти сел в машину, но его догнал Мартин и остановил за плечо.

– Подождите.

Владимир стоял молча, ожидая.

– У меня для Вас есть предложение и, поверьте мне, оно Вам понравится.

Владимир улыбнулся, оскалив зубы.

– По вашим глазам... по этим двум океанам отчаянья и ненависти я уже знаю, что мне понравится ваше предложение. Думаю, нам стоит проехаться, и чего-нибудь съесть.

* * *

Через несколько дней Мартин поднимался по лестнице в свою квартиру, где его ждала Лиза и Манфريد. Он уже влил в себя все свои воспоминания, но не стал избавлять свой

мозг от гнетущего образа измены своих близких.

Мартин поднимался медленно с небольшим чемоданном пробирок, медленно, обдумывая всё, что он скажет им, им наверху. Каждый его шаг был движим мстостью и злостью. По неясной для себя причине он расплывался в улыбке.

Он постучал.

Дверь открыла Лиза и уже в следующую секунду расплылась в своей лживой улыбке. И заточила Мартина в своих лживых объятьях.

– Я так рада, что ты вернулся. Как ты? Как твои воспоминания? Как воспоминания Манфрида?

– Всё хорошо, – он постарался избавиться от объятий, – Я выиграл турнир. Это был последний раз, когда я играл в эту мерзкую игру.

– Что с тобой? Что-то случилось? Ты какой-то отрешённый.

Мартин лишь загадочно улыбнулся и прошёл в комнату.

– А где мой друг? М? – его голос был наполнен наигранностью, – У меня для него подарок!!!

– Я сейчас его позову. Манфрид! Манфрид!

В комнату вошёл Манфрид. У него был всё тот же потерянный взгляд. Как и раньше, он никого не узнавал.

Мартин постучал по чемодану в своей руке и улыбнулся.

– У меня для тебя подарок друг мой. Присаживайся.

Манфрид присел и снова посмотрел на гостя пустым взглядом.

Мартин, не убирая улыбки с лица, открыл чемодан.

– Так, запрокинь ему голову.

Лиза подошла и взяла того за лоб, а Мартин стал заливать в опустошённого пробирки, одну за одной. Одна, вторая, третья... тридцатая... Пятидесятая.

Манфريد глотал всё, и с каждым глотком его глаза наполнялись пониманием этого мира. Память по кровотокам и нервным клеткам возвращалась в его мозг.

И вот, он уже проглотил последнюю.

– Моя память... – Манфريد глубоко дышал, – как же хорошо... Боже... Мартин! Спасибо. Спасибо.

Мартин снова улыбнулся и направился в сторону выхода.

– Ты куда?! – удивилась Лиза.

– Прощай, Лиза, – не убирая улыбки, произнёс наш герой, – Мне было с тобой очень хорошо. Жалко, что тебе не было также со мной...

– Я не понимаю...

– Живи с тем, с кем тебе и правда будет хорошо... правда...

Слова Мартина перебил крик из спальни.

Манфريد повалился на пол, крича и корчась, озираясь по сторонам.

– Что с ним?!?

Мартин выбросил смешок.

– Я немного подкорректировал его память.

– ЧТО?!

– Голоса?!?!? Откуда они, что это?! А?! – Манфريد кричал, хватаясь за голову.

– Я случайно капнул в его пробирки воспоминание одного душевнобольного. Кажется, у него была шизофрения.

– Уйдите из моей головы! Нет... что?! Что ты говоришь? Кто ты? Они строят заговоры? Предатель. Кто меня предал? ОНА?!?

– Думаю... мне пора, – наш герой развернулся и направился к выходу.

С криком, размахивая руками, Манфريد выбежал в коридор и схватил Лизу за волосы.

Девушка закричала.

– Нет! Отпусти меня.

– Ты?!?!?! Это ты в моей голове! Немедленно вылез из неё! Я убью тебя! Ты предатель!

– Мартин, помоги мне! – закричала Лиза.

– Прощайте, мои друзья!!! – выкрикнул Мартин, сделав театральный жест рукой, – Упивайтесь своей больной любовью.

После этих слов Мартин вышел из квартиры и направился на улицу. Спускаясь, он слышал отчаянный крик своей бывшей возлюбленной и яростный вопль своего бывшего друга.

Во дворе стояла машина Владимира, его самого не было, но слуга должен был отвести нашего героя в загородный дом. Туда, где на неопределённый срок расположился его русский знакомый.

Около ворот частного дома, который находился далеко за чертой города, стоял Владимир, как всегда, улыбаясь. Закутанный в халат, он попивал кофе, с нескрываемым наслаждением любуясь солнечным утром.

Когда Мартин вышел из машины, тот поприветствовал его крепким рукопожатием.

– А Вы быстро.

– Я хочу поскорее покончить с этим, – наигранная улыбка пропала, и Мартин был предельно серьёзным, – Эти идиотские воспоминания вгрызаются в мою душу.

– Что ж, пройдемте.

Они вошли в дом. Он не был большим, но был богато обставлен. Мебель из красного дерева, большой камин, огромные ковры... все и не перечислить. Финансовое благополучие хозяина в буквальном смысле врезалось в глаза.

Двое прошли мимо всех комнат и спустились в подвал. Холодный, отдающий сыростью.

– Память любит холод, как вино.

Он повернул рубильник, и яркий свет неимоверного числа лампочек оросил комнату. Осветил несколько десятков тысяч пробирок. Синих, красных, жёлтых... Это был целый лабиринт из деревянных и стальных полок, на которых покоились чужие судьбы.

– Моя коллекция путешествует вместе со мной. Ведь неизвестно, когда мне захочется погрузить или порадоваться.

– Невероятно, здесь, наверное, больше тысячи чужого горя и счастья. Вы их видели все?

– Конечно! Наверное, поэтому я так хорошо знаю людскую природу. И, если признаться честно, мне очень жаль, что Вы окажетесь на этих полках.

– У меня нет другого выхода. Эти знания убивают меня.

– Выход есть, просто Вы не хотите им воспользоваться.

– Думаю, можно приступать, – Мартин пропустил нравоучение мимо ушей.

– Думаю, да. Как и договорились, я сделаю Вас путешественником, странником, который видел десятки городов. Который никогда не любил, но будем надеяться, полюбит.

В конце подвала стояло кресло, то самое, которое вытягивало из людей их память – частички их души. Мартин постоял около него с минуту, глубоко вздохнул и залез.

Владимир стал закреплять ремни на запястья, он в последний раз улыбнулся своему гостю и произнёс:

– Я же говорил... в независимости от выигрыша, Ваша память будет моей. Мартин выдавил улыбку, понимаю всю иронию.

– Всего доброго Вам, Мартин. Я буду с упоением смотреть ваши воспоминания.

И после этих слов русский коллекционер подсоединил штырь к вене нашего героя.

Дальше, как ты понимаешь, мой читатель, воспоминания Мартина кончаются.

Но если тебе интересно, то Владимир разбудил его совершенно другим человеком. Он разбудил его Мануэлем, итальянским путешественником. Он сказал ему, что тот потерял сознание на улице и Мануэль поблагодарил его за помощь, за то, что тот приютил его.

Владимир накормил своего гостя и уже через несколько часов из дома вышел Мануэль Гарсия Лорас и направился по своим делам, тем, которые ещё помнил.

А Мартин Ховманд на веки остался лежать в стеклянных пробирках, одного очень таинственного коллекционера памяти.

Поступок Мартина противоречивый, но не лишён смысла и основания. Со мной согласятся многие, что иногда душу режет так, что мы готовы поменяться своей судьбой с кем угодно, только бы не остаться собой.

Доброе утро

История моего нового героя началась всего несколько лет

назад, в красивом и уже знакомом многим Париже.

Герой, молодой человек, не старше двадцати пяти лет, одетый в неумирающую классику, прогуливался с молодой девушкой по парку. Несомненно, по глазам, по нежным жестам было видно, что он был влюблен в свою спутницу. В юную, стройную, зеленоглазую.

Как вспоминает герой, в такую просто нельзя было не влюбиться. В эту фигуру, в эти светлые волосы. Он даже не помнил, как с ней познакомился, ему казалось, что он был влюблён в неё всегда. Он всегда хотел держать за руку именно её, гулять именно с ней, целовать именно её.

И тогда, прогуливаясь по парку, он не хотел быть нигде и ни с кем, кроме как в этом парке с этой девушкой.

Не пойми меня неправильно, мой читатель. Я недаром начал свой рассказ с такого приторно романтического вступления. Просто с самых первых моих слов я хочу, чтобы ты понял, что эта зеленоглазая, белобрысая особа является основной шестерёнкой моей сегодняшней истории сломанного циферблата.

Некоторое время они шли молча.

Парк заливал солнечный свет, делая все краски насыщенно яркими. Солнце, птицы, бодрящая прохлада – маленький рай на земле.

– Как сегодня хорошо, – произнесла девушка.

– И не поспоришь.

– Ну, и какие у нас сегодня планы? – её голос был мягким.

– Я подумал, что можно весь день провести на улице. Гуляя... Я знаю один отличный ресторанчик, прогуляемся?

– Отлично. Ты мне что-то хотел рассказать про работу?

– Ах, ну да! Сегодня в редакции мне сказали, что меня повысят. Я скоро буду большим начальником! – молодой человек засмеялся.

– Так это же потрясающе! Надо отпраздновать!

– Вот поэтому мы и идём в тот ресторанчик. Там я расскажу тебе ещё одну новость, которая...

– *Так, лекарство начало действовать!* – голос был далёкий... как эхо.

Голос прозвучал из ниоткуда. Голос смешивался со звуками города и парка.

– Жан, что-то случилось? – обеспокоенно спросила девушка.

Жан, стоял растерянно.

– Я вижу реакции. Он поморщился. Он слышит нас! – голос продолжал быть эхом идущим из неоткуда.

– Жан... – девушка пыталась достучаться до молодого человека, который стоял как вкопанный.

– Ты это слышала? – спросил он её.

– Что именно?

– Это... Голоса.

– Ты меня пугаешь, – голос девушки был обеспокоенным.

– Наверное, солнце напекло.

– Может, нам вернуться домой?

– Нет, нет! Такое уже было... но давно. Пойдём.

Двое продолжали свой путь. Жан ещё несколько минут прислушивался, но слышал только гул с дороги, птиц и голоса проходящих, вежливо улыбающихся людей.

Парк кончился, и Жан указал на дом, который был в нескольких десятках метрах от них.

– Вон! Ресторан «Лё Вент», он чудный! Очень уютный!

– И когда ты это только успел без меня в ресторан сходить?! – с наигранным упрёком поинтересовалась девушка.

– Нет, я не ходил. Из окна он показался мне очень уютным.

– Ладно. – девушка улыбнулась, – выкрутился.

Они пересекли улицу и подошли к дверям.

Внутри действительно было уютно. Тихо. Немного народу. Много дерева и мягкого расслабляющего света.

Официант проводил их за столик.

Жан волновался. С каждой секундой всё больше. Потными подушечками пальцев он сжал в кармане пиджака маленькую коробочку.

– Что будете заказывать? – спросил их официант.

– Меню такое аппетитное. Жан, ты был прав, здесь чудесно.

– Я же говорил., – немного взволнованно произнёс он, – Нам нужна бутылочка шампанского. И, думаю, пять минут на размышления.

– Я вас понял, – официант удалился.

– Жан, шампанское, это конечно хорошо, но сейчас, ведь день, – До вечера я просто бы умер от нетерпения.

– Ты так хочешь отпраздновать повышение? Я думала, ты позовёшь друзей?

– Нет, не в этом дело... – у него вырвался истерический смешок.

– Ну...

– Диана... Фууух. Мы уже ведь давно вместе.

– Ну, прилично.

– И я очень тебя люблю... Ты же знаешь.

– И я тебя, милый.

– Просто раньше мне не хватало средств, чтобы мы перешли на новый шаг, но теперь...

– *Так первый препарат введён. Вижу реакцию...* – был снова слышан голос. Таким же эхом. Но ближе.

– Жан... Жааан, – девушка попыталась окликнуть молодого человека, который отвлёкся.

– Ааа... так вот, раньше мне не хватало средств для того, чтобы...

– *Делайте вторую инъекцию.*

– Так вот... – Жан повысил голос, чтобы заглушить неизвестный голос.

– Ты чего кричишь, милый?

– Я всю жизнь мечтал только об одном, чтобы прожить жизнь с тобой. Диана, ты.

– *Завершайте!*

– *Доктор, думаете, получится?* – голос был женский и также эхом.

– *Будем надеяться.*

Жан старался не слушать, не подавать виду, что он слышит голоса, что они заглушают собой все другие звуки, он вышел из-за стола и попытался встать на одно колено, но именно в этот момент пол стал вязким, рисунок плитки поплыл. Стены стали терять краски, а все звуки превратились в писк.

А потом всё превратилось в вакуум.

Потом полную черноту.

По рукам побежал холод.

Было темно, и только через минуту Жан стал понимать, что он лежит с закрытыми глазами. В нос ударили запахи, горькие, с примесью сырости.

Холод. Было холодно.

Жан открыл глаза и ему сразу же в глаза ударил холодный свет, превратив весь мир в белое пятно.

– Немедленно выключите прожектор, – голос, который раньше рассеивался в пространстве, стал четким.

– Доктор. Он проснулся! Проснулся!!! – был слышен женский голос.

– Да. Мы молодцы.

Жан не понимал, что происходило. Всего секунду назад он был в уютном ресторане, со своей девушкой. А теперь здесь... где здесь? В окружение врачей, которые прятали

свои лица за масками, в комнате, набитой непонятным и диковатым медицинским оборудованием. Яркий свет, бело-снежно белый кафель, неприятный горький запах.

Герой бегал глазами, крутил головой и глубоко дышал. Он вжался в кровать, словно снова хотел провалиться в вакуумную пустоту и выплыть обратно в уютный ресторан, туда, где хотел сделать предложение своей девушке.

– Доктор, что с ним? – спросила девушка в белом халате.

– У пациента шок, Вы разве не видите, – ответил врач, который стоял ближе всех и, по-видимому, был главным в этой комнате, – Думаю, ему понадобится еще несколько часов, а может и дней, чтобы прийти в себя. Главное, что наша методика по борьбе с Дианой работает.

– Где я?! Как я сюда попал? А?! – Жан кричал.

– Не кричите. Вы в больнице, в процедурном кабинете...

Вы...

– Как я сюда попал?! Что вам нужно?!

– Вы в безопасности. И, от всего нашего коллектива, мы хотели бы Вас поздравить. Вы пятнадцатый человек из двадцати испытуемых, который проснулся.

– Что Вы несете?!

– Кажется, он не рад, – подметила девушка.

– Это вполне естественно, сестра. Сон, которым он жил, был настолько реален, что сейчас ему тяжело перестроиться... и думаю, он просто не верит в происходящее. Он один из самых «глубоких» пациентов.

– Да что Вы там несёте! – из его рта летели слюни.

Жан попытался встать с кушетки, но ноги не удержали его и он повалился на пол. Слабость, вязкая и тяжёлая, обволакивала всё его тело. Никогда раньше он не чувствовал себя таким слабым.

– Милый, куда же Вы, – обеспокоенно спросил доктор, – Ваше тело ещё слишком слабое, а многие мышечные ткани атрофированы после долгого бездействия.

– Что происходит? – Жан был растерян и напуган.

– Не переживайте. У Вас будет два дня на реабилитацию, после чего мы продолжим с Вами разговор.

Голова Жана колосась на сотни мелких кусочков боли. Глаза закатывались. Комната плыла, лица, люди, стены, оборудование – всё расплывалось.

Рвотный кашель.

– Пациент может потерять сознание. Немедленно ведите ему «А–согнорий», – мы же не хотим, чтобы вся работа пошла насмарку.

Двое санитаров, которых Жан не сразу заметил, одним рывком подняли несчастного с пола и водрузили на кушетку.

Подошла медсестра. Из-за маски лица не было видно, но глаза были карие – карие, напуганные и красивые. Она обнажила иглу шприца и взяла Жана за запястье.

Жан попытался вырваться.

– Так... держите его, – попросила медсестра, – Препарат нужно вводить медленно.

– Вот так! Всё, голубчик, не дёргайся, – басом произнёс санитар.

– Что Вы мне вводите?! Уберите иглу!

– Это «А-согнорий» – препарат, который блокирует некоторые каналы мозга, из-за чего Вы не будете видеть сны, – ответил ему Доктор, – Мы же не хотим Вас снова потерять. Сейчас он вводится Вам принудительно, в дальнейшем, мы надеемся, Вы будете принимать его добровольно.

– Кто вы?! Где я?! Зачем всё это?! – Жан пытался вырваться, но сильные руки санитаров не оставляли ему шансов, – Прошу, отпустите меня!

– Это... это реальность, – спокойным тоном отвечал ему доктор, – Это моя клиника, и здесь мы пытаемся «овощ» превратить обратно в человека.

Препарат вводили с минуту, Жан ощущал, как тепло бежит по вене.

– Через несколько минут пациент потеряет сознание. Переведите его в палату номер двадцать один... Ну и, конечно, обездвижьте его!

– Куда Вы уходите!? Вернись, мерзавец!

– У меня есть другие пациенты. С вами мы поговорим через несколько дней.

– Объясните мне!

– Потерпите Жан. Потерпите.

Доктор оказался прав, уже через пару минут комната снова стала расплываться в глазах. И уже в скором времени Жан

потерял сознание.

Когда Жан проснулся, за окном было светло. Был день, мрачный, пасмурный, серый день. Вся палата, в которой он лежал, была одной большой палитрой серого цвета. Светло-серый стол, две тёмно-серые кровати. Мутно-серые стены и так далее.

Мир словно лишился красок.

– Дааа... давно я не видел пасмурных дней, – произнёс Жан, когда проснулся.

Кто-то в палате засмеялся.

– И не говори... там то... тааам... там всегда солнечно. А если дождь, то только тогда, когда ты хочешь...

Жан приподнял голову. В палате был ещё один человек. Облысевший, немного нервный, одетый в больничную пижаму мужчина.

– Ты кто?!

– Меня зовут Оливер. Как и ты! Я... я пациент. Но я иду на поправку... честно... скоро я смогу выписаться отсюда. – его речь была прерывистой, нервной – А ты, ты, наверное, мечтаешь вернуться обратно.

– Куда обратно?! Я хочу, чтобы меня выпустили отсюда.

Жан попытался встать, но руки, ноги и грудная клетка были перетянуты ремнями из толстой бычьей кожи. Единственное, что он мог, это немного приподнять голову.

– Он нет! Лежи... ты ещё из тех... непонимающих..., поэтому ты нуждаешься в фиксации.

– Чего я не понимаю!?! – Жан повысил голос, – Я понимаю, что меня незаконно похитили и привезли в какую-то больницу! Но этого я так не оставлю. Диана, она юрист. Она весь город на уши поставит.

– Диана. – Оливер рассмеялся, – вот про это я и говорю... ты не понимаешь! Но я не имею право тебе ничего рассказывать. Ведь я могу дать неправильную информацию. Доктор Этьен... он гений, он тебе поможет!.

– Эй! Выпустите меня! Эй!!! – Жан кричал.

– Тише! – сосед по палате забил указательным пальцем себе по губам, – Или тебе введут препарат и погрузят в вакуумный сон!

– Какой сон?! Эй!

– Вакуумный. Здесь так называют сон без сновидений. Сны... ведь никто не хочет снова утонуть там... в том мире.

– Эй!!! Я прошу – выпустите меня! – Жан продолжал кричать.

В комнату влетел крупного телосложения мужчина. Это был один из санитаров, на нём была белая, немного мешковатая роба. Взгляд был недовольный.

– Что здесь за крик!?! – недовольно спросил он.

– Вот видишь, я же говорил!

– ТЫ! Немедленно освободи меня! Если мой друг или моя девушка вас найдут, то они тут камня на камне не оставят!.

– Так... У тебя ещё один день реабилитации. – ровным, строгим голосом ответил санитар, – Хочешь инъекцию? Ду-

маю, не стоит. Веди себя тихо!

– Да иди ты! Когда я выберусь, я устрою такое! ЭЙЭЙ-ЭЙ!!! Вы, на улице, услышите меня!

– Значит, хочешь инъекцию.

Санитар медленно подошёл к привязанному пациенту, попутно доставая шприц из нагрудного кармана рубашки.

– Убери эту дрянь от меня! – Жан пытался извиваться.

– Я же говорил! Ну, зачем! – Оливер нервно закусил руку.

– ЭЙ! Спасите! Спасите!

– Да тихо ты! – Санитар грубо схватил нашего героя за предплечье и, не прицеливаясь, ввел шприц под кожу. Всего за несколько секунд комната превратилась в мутное пятно.

– Я же говорил... – голос соседа по палате растворялся.

Два дня, как их здесь называли – дни реабилитации, показались Жану вечностью.

На третий день, в палату вошёл уже знакомый санитар и стал методично отстёгивать ремни.

– Я поведу тебя к доктору Этьену. Так что без глупостей, у меня хватит силы и злости, чтобы скрутить тебя и снова приковать к кровати. Договорились?

Жан молча кивнул.

Целых два дня наш герой не видел ничего, кроме белого потолка палаты, своего соседа и пустых снов.

Его вели по коридорам, узким и широким, мимо палат, операционных и процедурных кабинетов. По лестницам. Вели по клинике, которая пропахла лекарствами и крахмалом.

Почти все больные прятались в палатах, только некоторые выходили в коридор. Других пациентов, замученных, с потушенными или безумными глазами, санитары вели из кабинетов врачей. Картина была удручающей.

– НЕТ! Я не вру, они были здесь! Я должен вести войско вперёд! – кричал кто-то из палаты.

– Я не хочу пить лекарства... нет, нет, нет! – слышно было из процедурного кабинета.

– Смотри, какой красивый, – сказала пожилая дама, которая стояла около подоконника, – Заходи сегодня к нам, мы живём здесь недалеко... Заходи обязательно.

– Мадам Мари, вернитесь, пожалуйста, к себе в палату, – произнёс Санитар, который дежурил на этаже.

Жану и провожающему санитару пришлось пройти несколько этажей, прежде чем они оказались около нужного кабинета.

Внутри было достаточно просторно. Много полок и книг. Светильник, шкаф. Стол, и за столом тот самый таинственный врач, из-за которого Жан и оказался здесь.

– Что ж, ну вот мы, наконец, встретились. Мне сказали, что Вы очень нетерпеливый пациент.

– Я не пациент! – огрызнулся Жан.

– Как Вам угодно, – ответил доктор Этьен, – Думаю, ты можешь ослабить хватку, Себастьян... Присаживайтесь, Жан.

Жан сел в удобное кресло и стал более тщательно осмат-

ривать кабинет. Санитар остался позади, не спуская взгляда со своего подопечного, он стоял не шевелясь.

– Вы знаете, где Вы находитесь? – начал беседу доктор.

– Ну, делая выводы из того, что я увидел, осмелюсь предположить, что я в психушке.

– Вы в клинике для душевнобольных, – поправил его Этьен.

– Я что, псих? Вы сказали, что Вы объясните, почему я здесь.

– Вы не псих. Вы лежите совершенно в другом крыле. В крыле, где изучают новый недуг человечества. Изучают «Диану».

– «Диану»?... это имя моей девушки.

– Ну да, конечно... Так вот. «Диана» – это болезнь... названа она так, потому, что пациент чаще всего шепчет её имя во сне. Причина не ясна.

– Какое кому дело до того, что шепчут люди во снах.

– Совершенно никакого, если эти люди спят не более двенадцати часов в день.

– И?

– Данные же индивиды проспали или же ещё спят по несколько лет... в нашем же, сегодняшнем случае... семь лет и сорок пять дней.

– Сегодняшнем?! То есть...

– Вы, Жан Бертран, после сильного удара по психическому состоянию, стали пропадать во сне. Сначала это было

недолго. Всего несколько лишних часов в день, потом же всё больше и больше, пока полностью не провалились в сон.

– Что за бред?!? Я всегда спал не больше обычного. Всегда.

В обнимку со своей девушкой Дианой?

– Да... Если бы я пропал в другой реальности, то думаю, я бы это запомнил. Если бы у меня была психологическая травма, то я бы запомнил.

– Болезнь «Диана» достаточно хитрая... она затрагивает мозг, а мозг умеет думать, значит и болезнь тоже. Создавая для Вас благоприятный мир иллюзий, она сглаживала реалии, всё больше и больше стирая негативное.

– Что Вы несёте! – всё сказанное казалось нашему герою бредом.

– Дайте, угадаю... до того, пока Вы не очнулись в моей клинике.... Вы жили со своей девушкой Дианой в небольшом домике. У Вас интересная работа и Вы уже несколько раз получали повышения по службе. И, возможно, Вы женаты на Диане, ну или собирались делать ей предложение.

– Откуда Вы всё это знаете?!

Жан был обескуражен. Удивлён. Врач бил в цель, не промахиваясь. Но как? Может, он следил за ним... Это самое логичное, нельзя же верить в весь его бред. Но зачем?

– Оттуда, что я знаю историю вашей психологической травмы и по ней без труда могу составить психологическую схему вашего сна – ваших сновидческих реалий.

– Сновидческих что?! Что за бред Вы здесь мне несёте?!»

– Это не бред, мой друг, – раздался голос за спиной.

Жан сразу узнал этот голос. Голос друга, товарища ещё со школьной скамьи. Он повернул голову, это правда был он – Франсуа.

– Франсуа! Это ты! Объясни мне, что здесь происходит?

Жан встал из кресла, но санитар одним движением посадил того обратно.

– Потихе, Себастьян, – попросил доктор Этьен.

– Ты пришёл вытащить меня?! Да? Как там Диана, наверное, все нервы себе вытрепала.

Франсуа крепко обнял своего друга.

– Как я давно не слышал твоего голоса, – произнёс его друг.

– Перестань. Лучше вытащи меня отсюда. Я сделал Диане предложение... думаю, она тебя говорила, а эти... эти...»

– Он узнал своего друга. Я так и знал... – прокомментировал встречу доктор Этьен, – значит, Диана оставила мостики комфорта, связывая тот и этот мир, чтобы подопечный не мог отличить реалии от сна. Умна, чертовка».

– Вот слышишь?! Слышишь! И так уже несколько дней... он ненормальный... Как ты меня нашёл, а?

– Доктор Этьен сообщил мне, что ты проснулся.

– И ты туда же...

– Друг мой, послушай, ... я знаю, что тебе тяжело в это поверить, но меня вызвали, чтобы я рассказал тебе всю правду.

Франсуа сел рядом на стул и посмотрел на своего друга. Франсуа волновался, он не знал, как воспримет новость его старый приятель, ведь то, что он должен был рассказать – как волна горькой отвратительной правды, могла снести его голову. Промыть мозги и, может, всё-таки открыть глаза.

– Ты помнишь Натали? – начал он.

– Нет.

– Ты ведь веришь мне? Мне сказали, что половину всего ты забыл... того, что причинило тебе боль... Натали как раз та, кто причинила тебе боль. Вы были влюблены друг в друга... долго. У вас были совместные планы, идеи, решения. Я не мог нарадоваться на вас, вы были прекрасной парой. Ты думал делать ей предложение. Но твоя скучная рутинная работа не позволяла этого:... повышения не было, денег тоже,... да и на работе стресс. И вот прошло несколько лет и Натали... Натали встретила другого. Ты не верил, ты много пил, я не видел тебя месяцами.... Я очень за тебя переживал, как и твоя мама.

– Я не помню никакой Натали. Моя девушка Диана, и ты с ней знаком.

– Я не знаю никакой Диану. Точнее, знаю, ты говорил мне про неё, но я никогда её не видел. Ты пришёл как-то ко мне и сказал, что влюбился в девушку. Я спросил, где она, когда ты мне её покажешь,... а ты сказал, что она во сне. Сначала мне показалось это просто странностью, шуткой... но потом я понял, что это помешательство... Ты стал спать по четыр-

надцать, по восемнадцать часов в сутки. Тогда я и обратился к доктору Этьену, но когда он приехал, было поздно, ... ты спал... Последнее, что я слышал, когда тебя забирали в эту клинику, ... ты сказал «Диана, как чудесно... думаю, завтра стоит повторить».

Жан дослушал историю, он молчал. Всё, что ему сказали, не укладывалось в голове. Столько информации, которой он не понимал или не помнил.

– Я не верю, – сухим голосом выдавил из себя Жан.

– Жан... вспомните, как Вы познакомились с Дианой – спокойным, заботливым голосом спросил доктор, – Ну, или вспомните, когда последний раз Вам грубили на улице. А пасмурная погода когда последний раз была?».

– Я... Я не помню.

– Вы не помните, потому что сон не имеет начала. А пасмурной погоды нет, потому что сон «Диана», это как защитный механизм вашего мозга... ваша зона комфорта, ... поэтому там все улыбочивые и всегда светит солнце.

Доктор говорил и говорил, и всё это казалось таким логичным, таким правильным. Доктор говорил, и Жан не понимал, как он мог быть так слеп.

– Мы... я и ваш друг, мы хотим, чтобы Вы перешли на добровольное лечение. Вам нужно будет принимать «А-согнорий» в капсульном виде. Два раза в день. Также капельницы для промывки морщинистых складок мозга. Вы согласны?

Жан сидел, молча переваривая всю информацию в своей голове. Снова начинало колоть виски. У мозга было самое настоящее несварение от настолько обильных и режущих фактов.

– Жан? Вы меня слышите?

– Да... – Жан проглотил слюну, – я согласен. Франсуа...

– Что?

– Пожалуйста, навещай меня каждый день... Ты... ты единственный, кого я помню.

– Конечно! Конечно, я буду навещать тебя каждый день.

– Ну, думаю, с этой позитивной ноты мы и начнём наше лечение, – доктор Этьен улыбнулся и жестом попросил санитаря проводить пациента.

Себастьян взял нашего героя под руку и вывел в коридор.

В тот день его ждала последняя инъекция А-согнория, после чего Жан должен был перейти на добровольное лечение.

Так и было.

Со следующего дня, недавно проснувшийся пациент стал самостоятельно принимать лекарства. Днём он читала газеты, жадно. Газеты за прошлый год, за позапрошлый. Все новости, которые он пропустил. Многое его удивляло, многого он не понимал.

Сколько же он пропустил.

Но его смущало одно, если тот мир такой реальный, то почему и этот мир не может быть обманом. Ведь и здесь он не помнил, когда познакомился с Франсуа. Он не помнил

начало своей истории, как попал в больницу... он помнил только то, что ему внушил доктор Этьен. Но ведь именно он и говорил, что болезнь умна... и она сама может внушать тебе новый реалии.

На седьмой день лечения Жан положил таблетку под язык, но не проглотил её. Через некоторое время он выплюнул её в раковину. На следующее утро он сделал так же.

И вот уже к середине дня Жан почувствовал вязкую и тягучую дремоту. Она крадла кислород у него из под носа, заставляя зевать, наливала в руки и ноги свинец. Наш герой подошёл к кровати и лёг.

Моргая всё медленней, он проваливался в сон.

Всё медленней и медленней.

А потом...

Яркий свет резал веки, было слышно, как где-то вдали поют птицы. Жан открыл глаза, он снова лежал в палате, но теперь она была залита светом и цвета были более яркими.

– Проснулся!

К нему подбежала Диана, та самая, с которой он уже думал, что распрощался, та самая, которой он хотел сделать предложение в ресторане. Она обняла его и расцеловала.

– Проснулся! Проснулся! Позовите доктора! Как же ты меня напугал!

Диана села на кровать и влюблёнными глазами посмотрела на Жана. Её зрачки были переполнены радостью и восторгом.

– Где я? – спросил Жан.

– Ты в больнице. Ты упал в обморок в ресторане. Ты, наверное, переволновался. Ты спал несколько дней. Я так переживала. Слава Богу, у нас есть знакомый доктор, он и занялся твоим лечением.

В это момент в палату вошёл врач. Доктор, тот самый, который утверждал, что он вытащил его из сна, тот, который заведовал клиникой душевнобольных.

– Оооо, ну наконец-то мы проснулись, – радушно произнёс доктор Этьен, – Я же говорил, что мой препарат поможет.

– Я Вас знаю, – удивлённо произнёс Жан.

– Конечно знаешь. Это доктор Этьен, – ответила Диана, – Он у нас как-то ужинал со своей женой. Он ещё тогда заинтересовался твоей мигренью.

– Этьен... Да, наверное. Я плохо помню.

– Это не беда, думаю, пару дней реабилитации и Вы поправитесь. Завтра Вы придёте в мой кабинет и мы всё обсудим. Санитар введёт Вам специальный препарат. До завтра, Жан, отдыхайте.

Пришёл санитар и сделал инъекцию в вену. Диана продолжала радоваться, а Жан не мог поверить, что он снова вернулся домой, в прежний мир, где всё так привычно и знакомо.

Жан приходил в себя. Целый день он ни с кем не разговаривал. Тот мир был таким реальным – если это был сон, то он был таким реальным. Таким реальным кошмаром.

Диана беспокоилась, ей не нравилось состояние Жана. Он был молчалив, угрюм. Все, что он делал, это спал, ел и принимал лекарства.

На следующий день медсестра проводила его врачу – к доктору Этьену, которого Жан помнил из своего сна. Но где он впервые увидел его, тут или там? Где правда?... Жан запутывался.

Длинные коридоры больницы были залиты солнечным светом. Вымытые окна и стерильные палаты. Больница была идеально чистая.

В кабинете его уже ждал доктор. Он вышел из-за стола и поздоровался со своим пациентом.

– Ну, голубчик и перепугали же Вы свою супругу, я хочу Вам сказать, – его голос был радушным.

– Что со мной произошло?

– Вы провалились в сон – летаргию, если быть точным, и спали почти неделю.

– Доктор, Вы не поверите, мне снилось, что я лежу в больнице... в лечебнице.

– Так, так и...

– И... – Жан сбился с мысли, – доктор, а что эта за картина, девушка на ней мне очень знакома.

Доктор изменился в лице. Повернулся. На стене и правда была картина. Была нарисована девушка – рыжая, с курносом, волевым взглядом – её рот был открыт, как будто она что-то скандировала, а ниже была надпись: «Насыщайся горькой правдой – а не обжирайся сладкой ложью.» – Ах, эта! Эта картина девушки... эм... революционерки, кажется. Волевое у неё лицо, не правда ли?!

– Да. И такое знакомое, – лицо рыжей девушки щекотало память нашего героя, дразнило её.

– Может, Вы её видели в учебнике?

– Может.

Лицо с картины впивалось в Жана, резала ему память – словно шептало «вспоминай... вспоминай... вспоминай...».

– Так что Вы хотели мне рассказать.

– Сон... – Жан вернулся к потерянной мысли, – он был таким реальным. Там были Вы... и мой друг, Франсуа.

– Это вполне логично, во сне мы всегда видим, то, что видим в реальной жизни.

– Я боюсь этого сна. Меня держали взаперти, пичкали лекарствами.

– Это был кошмар. Он может быть связан с тем, что Вы водрузили на себя большую ответственность, ... когда Вы делали предложение своей девушке, Вы просто-напросто переволновались. Думаю, Вам стоит полежать в моей лечебнице

несколько дней, обследоваться. Если Вы, конечно, не будете против.

– Если это поможет, то я согласен.

– Это поможет, – заверил его Этьен, – Вы должны будете пропить курс лекарств и сдать некоторые анализы.

– Хорошо.

– Медсестра проводит Вас в вашу палату.

Жан и медсестра снова вышли в коридор. Девушка проводила нашего героя до палаты.

– Прошу сюда.

Палата была большой, одноместной и ярко освещённой. Стол, холодильник, кровать и... снова она. Картина большая – та же рыжая девушка, и такая же надпись «Насыщайся горькой правдой – а не обжирайся сладкой ложью».

– Ещё одна картина.

– Ох... наверное, повесили по ошибке... – ответила медсестра, – я попрошу перевесить её.

– Нет, не надо... мне нравится эта девушка, – Жан невольно улыбнулся, – пускай висит.

– Что ж, хорошо. Располагайтесь поудобней, может что-то нуж...

Девушку перебил мальчик, который вбежал в палату.

– Папа! Папа! Не верь им... они плохие...

– Эрик, что ты здесь делаешь?! – возмутилась медсестра, –

Немедленно вернись в палату.

Это был рыжий мальчик лет пяти. Курносый, с брызгами

веснушек. Суетливый, с обеспокоенными глазами. Он подбежал к Жану и схватил его за рукав.

– Папа! Уходи!

– Что случилось, мальчик! – Жан был удивлён, обескуражен.

– Ты не узнаешь меня, папа?! – мальчик тянул за рукав и умоляюще смотрел в глаза нашему герою.

– Не слушайте его! Он лежит здесь, в детском отделении, – медсестра пыталась оттащить мальчика, – Мальчик потерял отца. И рассудок, теперь каждый, кто хоть отдалённо похож на его папу, автоматически им становится.

– Папа!

Медсестра потянула мальчика за руку и вывела из палаты.

А Жан так и остался стоять, в смятении и непонимании. Этот мальчик, ... где он мог его видеть. Неужели этот обморок оказал на его мозг такое сильное влияние. Он стал забывать? Или же помнить то, что не знает.

Жан лёг на кровать и провалился в сон.

Он не видел сновидений. Просыпаясь с утра от яркого солнца, он вставал и шёл на процедуры. Капельница, уколы.

Вечером на его тумбочке лежали лекарства и записка. «Не забудьте выпить лекарства перед сном». Жан выпивал таблетки и ложился в постель.

Каждый день его навещала Диана.

– Дорогой мой, – говорила она, – Доктор говорит, что ты идёшь на поправку. Те таблетки, что ты пьёшь, они помогают

тебе?

– Да. Кошмаров больше не было. Тут так скучно, только ты спасаешь меня...

– Скоро тебя выпишут, и мы поедем отдыхать, – Диана улыбалась.

– Давай поедем туда, где мы познакомились, м?

– Хорошая мысль!

– А где мы познакомились?

– А ты разве не помнишь? – девушка растерялась.

– Нет. Такое ощущение, что я никогда и не помнил.

– Милый, что же с тобой такое происходит?! – выражение лица Дианы стало заботливым.

– Расскажи мне, как мы познакомились?

– Ох... я плохо помню это день, но я сидела в...

В палату вошёл главврач. Как всегда, улыбочивый и приветливый.

– Приёмное время закончилось – проговорил он, – Прошу прощение Жан, но мы не можем позволить, что бы Ваш мозг перенапрягался.

– Уже восемь часов, ну и заболталась я тут с тобой. Я навещу тебя завтра, милый.

Она наградила Жана лёгким и нежным поцелуем в губы. Обняла его и встала.

– Я хочу, чтобы ты быстрее поправился, – произнесла она еле слышно.

– Думаю, Вам стоит пройти в процедурный кабинет, Жан.

А вечером Вас, как всегда, будут ждать лекарства.

Доктор и Диана вышли из палаты, а Жан поднялся с кровати и направился по коридорам в кабинет номер тридцать два. Был уже вечер, половина персонала ушла домой, большая часть коридоров была окутана сумраком. Больница засыпала.

После утомительной капельницы Жан вернулся в палату – было темно. Но даже в темноте, в полусумраке луны, он увидел лекарства на тумбочке. И, как всегда, записка.

Он взял пилюли в руки, открыл рот...

Послышался детский смех.

Тот мальчик, тот рыжий, который подумал, что Жан его отец, пробежал мимо него и одним слабым ударом выбил таблетки из рук нашего героя. Синяя пилюля слилась с тёмным полом, а красная закатилась за тумбу.

Мальчик выбежал в коридор.

– Эрик, стой! – Жан выбежал за ним, – Стой! Почему ты не в своей палате?

Рыжий мальчик стоял в нескольких метрах от него. Он улыбался, потирая руки.

– Не пей эту гадость, папа, – произнёс он.

– Я не твой папа, Эрик.

– Ты просто не помнишь. Ты и маму не помнишь.

– Почему не надо пить эти лекарства?

– А ты не пей и узнаешь. Здесь все лгут, папочка.

– Эрик, тебе надо вернуться в палату. Давай я тебя про-

вожу.

Жан сделал несколько шагов в сторону мальчика, но тот отбежал дальше.

– Тут нет моей палаты, папочка.

– Хватит меня так называть.

– Не вини себя. Мы тебя давно простили. Не вини себя...

– Что ты такое говоришь?! – мальчик путал мысли Жана.

– Эрик! Где ты?! – послышался голос дежурной медсестры.

В параллельном коридоре мелькнул луч фонаря.

– Мне надо бежать. Я тебя люблю, папа.

Мальчик убежал в темноту, а Жан поспешил вернуться в палату. Ему было не по себе. Он искал лекарства, но не нашёл их.

– Чёрт!

– *Доктор я вижу реакцию. Он поморщился*», – послышался голос, напоминающий эхо.

Снова голоса... снова далёкие. Это был голос медсестры, той, которая вводила ему инъекцию в кошмаре.

– Отлично, – послышался голос Этьена, – Диана ослабила свою защиту. Вводите препарат!

– Нет! НЕТ!!! Опять! – Жан упал на пол и судорожно стал искать лекарства. Две таблетки, которые могли избавить его от этих голосов, – Нет. Нет нет нет нет! Нет!!!»

В палате пропали окна. Пропала дверь. Палата стала похожа на замурованный, монолитный куб. Вот уже нет крова-

ти и шкафа. Жан шарил руками по полу, пока пол не стал вязким, как прошлый раз. Его руки провалились, его стало полностью засасывать.

В нос снова ударил больничный запах. Жан почувствовал, что лежит на холодной, твёрдой кушетке.

Он открыл глаза.

– Ну, нет!!! – закричал он – НЕТ ЖЕ!!!»

Это снова была больничная палата, он снова был привязан ремнями. И снова, та же медсестра и обеспокоенный доктор Этьен.

– Жан! Вы, идиот! Зачем Вы отказались от лекарств!

– Нет! Нет! Это сон. Это кошмар. – как молитву тараторил себе под нос Жан, – Мне говорили, что это кошмар!

– Кто Вам это говорил?!

– Вы! – изо рта нашего героя летели слюни.

– Ах, я, ну как я сам не догадался, – Этьен улыбнулся, – Мы всегда во сне видим то, что уже видели в реальности.

– Вы и это говорили!

– Поймите, ЖАН! То, это сон. Сон манит Вас, потому что там комфортней.

– Нееет! Я скоро проснусь. Я не разговариваю с вами, нет! Вы не реальны. Тут вы держите меня взаперти, вы боитесь, что я сбегу от вас... это ведь кошмар!

– Знаете, почему вас не держали взаперти там?... Потому что, Диана знает ваш мозг досконально! Она может создать ситуации, поставить предложение так, что вы просто сами

согласитесь остаться.

Жан, пытался вырваться из ремней. Но те были слишком тугими.

– Что вы делаете?!

– Это моё воображение. Я могу его контролировать! Я уничтожу вас сам!

– Жан, это реальность! А знаете, почему Вам пришла мысль контролировать своё сознание именно здесь и сейчас, а не там, в той реальности?

– Почему?

– Потому, что во сне всё всегда логично. Даже если всё абсурдно, Вы воспримите это в порядке вещей. Там! Вам нужно научиться контролировать реальность! ТАМ! – Этьен демонстративно ткнул Жана в лоб.

– Чёрт!!! Если бы не этот рыжий сорванец. – Жан выл от отчаянья, – Всё было бы хорошо, я закончил бы курс.

– Что? Рыжий сорванец? – брови Этьена приподнялись в удивление.

– Да.

– Любопытно... Наверное, это был Эрик.

– Что?! Вы знаете, кто это?!

Доктор Этьен проигнорировал вопрос Жана.

– Медсестра, введите ему А-согнорий. Пускай отдохнет. Мы продолжим завтра.

– Нет! Я хочу обратно!

Его снова держали санитары, он врывался, извивался. Но

через минуту по его вене бежал теплый А-согнорий, медленно и плавно погружая его в вакуумный сон.

* * *

Жан проснулся в палате. За окном был солнечный свет, и вся палата была в ярких красках.

Наш герой обрадовался – проснулся, он снова проснулся. Попытался встать, но не смог – ремни из кожи стесняли движения.

– Солнечно. В нашем мире тоже так бывает, не только во сне.

Доктор сидел у окна, в руках у него была папка.

Жан осмотрел палату. Те же стены, две кровати, только в этот раз он был здесь один.

– Теперь у вас нет соседа, – произнёс Этьен, предвидя вопрос.

– Почему?

– Он зарезал себя, когда увидел, что вы снова заснули,... он услышал, как Вы говорите про Диану, и не выдержал... Зависть, жажда... желания. Много всего.

– Вы не вызовете у меня чувство жалости.

– Жан, поймите,... я пытаюсь Вам помочь.

– Нет! Там меня любят! Там Вы приветливы и там Вы меня не связываете ремнями.

– А ещё, там Вы не помните, как Вы познакомились со

своей возлюбленной, как и она.

– Она помнит! Она хотела мне рассказать, но...

– Дайте угадаю, наверное, вошёл врач и перебил ее,... и она не успела рассказать...м?

Жан молчал.

– Знаете, откуда я это знаю?

– Да. Потому, что Вы в моей голове.

– Нет. Я это знаю, потому что я уже давно изучаю «Диану». Она умна. Каждый раз, когда её реальности грозит ошибка, включается защитная реакция.

– Если это реальность, то развяжите меня. Отпустите. Мне ведь некуда бежать.

– Только если в мир снов. Один раз я уже Вам поверил. И я потерял не только Вас, но и ещё одного пациента. Теперь Вы мне поможете осуществить один эксперимент. Именно Вы избавите мир от Дианы. Возможно....

– Мне давали лекарства! Зачем во сне лекарства!?

– Болезнь должна сохранять признаки реальности. Это плацебо! Самовнушение. Вы пьёте пустышки, думая, что Вы пьёте лекарство против кошмаров! Вам внушают, что Вы лечитесь и Ваш мозг верит! «Диана» хитра!

– Нет никакой болезни «Дианы», есть только моя девушка и та реальность, где я...

– Где Вы что?!?!?! – Этьен начинал нервничать, – А? Где Вы не чувствуете запахов. Какого вкуса там еда, а? Или может, там часто идёт дождь?! А Вы чувствовали, как Вам де-

лают укол?! Может, Вы помните, как Вы устроились на свою работу?!

На все эти вопросы Жан затруднялся ответить. Работа, он работал журналистом, а давно ли он там работал. Как он познакомился с Дианой. В больнице подавали курицу... и она была... Он не помнил.

– Жан, поймите... в скором будущем, я отпущу Вас в тот мир... честно, но сначала, я докажу вам, что этот мир реален.

– Если... если это реальность, то зачем Вы хотите отпустить меня туда?

– Эксперимент. Я всё Вам расскажу.

Жан откинулся на подушку. Он услышал, как врач открыл папку и стал что-то искать.

– Помните, мы рассказали Вам историю того, как Вы стали погружаться в сон? Причину того, что Вас подвигло.

– Да. Но я не помню ту девушку... Натали.

– Конечно, Вы не помните... – голос Этьена снова стал спокойным.

Доктор встал и подошёл к Жану. В его руках был снимок, он медленно повернул его лицевой стороной к связанному. И тот не поверил своим глазам. На снимке была она... та самая рыжая девушка. Та, с картины. Тут её взгляд не был волевым, она была в другом образе – была милой, улыбалась фотографу.

– Кто это?! Я помню, её профиль развешан там... в той больнице. Вы сказали мне, что это французская революцио-

нерка.

– Даже так. – доктор ухмыльнулся, – Это Натали. Это ваша жена, Жан.

– Но, Вы же сказали, что я только хотел сделать ей предложение. Что она сбежала от Вас.

– Эту легенду... – Этьен говорил медленно подбирая слова, – было решено рассказать Вам, дабы избежать, риска того, что Вы добровольно захотите вернуться в сон. Но теперь я не вижу смысла в этой легенде. И остаётся только рассказать вам правду.

– Правду. И где сейчас моя жена?

– Случилась... трагедия.

Доктор достал другой снимок.

– Вы говорили, что видели там рыжего мальчика. Этого?

На фотографии был Эрик, тот самый сорванец, который выбил таблетки из рук нашего героя.

– Да! Это он!

– Это Ваш сын. Образы вашей семьи... Ваш мозг создаёт эти образы, чтобы защитить Вас.

– Он... Он говорил мне, чтобы я себя не винил.

– Именно из-за чувства вины Вы попали сюда. Вы старались убежать не от разбитой любви... Вы пытались убежать от самого себя.

– Я не понимаю. Я не помню, что произошло.

Доктор молча залез в конверт и достал аудиокассету. Он медленно вставил её в свой карманный диктофон и нажал

кнопку «Играть».

Сначала было шипение...

Потом:

– Запись первая, – это был голос доктора Этьена, – Пациент Жан Бертран. Добрый вечер, Жан.

– Здравствуйте.

– Вы знаете, почему Вы здесь?

– Да.

– Хорошо. Вы могли бы более подробно рассказать причину вашего поступка.

– Я... – в голосе пациента послышались надрывные нотки – ... я просто больше не мог с этим жить. Понимаете?! Я ведь мог всё исправить. Мог всё, ... но нет. Я видел, как горел дом, понимаете, ... видел и не мог ничего поделать.

– Жан, но ведь в случившемся нет вашей вины. Вы это знаете?

– Есть! Она сказала мне. Ты видишь, как искрит коробка, там наверняка замыкание. Может, стоит посмотреть, ... а я что, я ничего. Я сказал, что мне некогда... Я сказал, что не стоит меня отвлекать, ... кажется, я даже наорал на неё. Понимаете, работа... ЭТА Чёртова работа! Вся голова была в цифрах. Она мне уже говорила про эти искры. А я не слушал.

– Многие бы не обратили на это внимание, Жан. Ваша жена могла бы сама вызвать электрика.

– Она всегда слушала меня. А я сказала, что сам посмотрю в выходные. Но выходных так давно не было... И вот, я

приезжаю домой, ... а там... – пациент всхлипнул, – а там...

– Жан, успокойтесь.

– Дом полыхал! Пожарные тушили его. Они вынесли моего сына, но он уже не дышал. ... Врачи не смогли ему помочь. Когда я увидел синеву его губ, которая пробивалась через сажу, мой мозг просто взорвался. Я не верил. Но Натали, ... где же была Натали.

– Успокойтесь. Думаю, нам не стоит продолжать вспоминать об этом.

– Она осталась в доме! – пациент кричал, голос шёл на срыв, – Она сгорела. Сгорела! – слышался плач, – Мне всего лишь надо было сказать... да вызови электрика, ещё в тот первый раз, но я... Я сошёл с ума, я хотел умереть, ... но мне помешали... и теперь я здесь.

– Что ж... думаю, для первого раза достаточно.

Доктор Этьен нажал на кнопку и запись начала быстро мотаться. Потом нажал снова «плей».

– Запись двадцать третья. Добрый день Жан, как Вы себя чувствуете?

– Лучше. Скажите, а меня ещё долго будут здесь держать?

– Пока мы не убедимся в стабильности вашего состояния.

Что у Вас нового?

– Сегодня мне приснился чудесный сон... такой... я даже не хотел просыпаться. Там было так солнечно, и была девушка... такая красивая.

– Вот видите, хорошие сны – это залог выздоровления.

– Мой сосед по палате даже говорил, что я улыбался во сне.

– Это хорошо, если сон делает Вас счастливым, это хорошо... думаю, на некоторое время я могу прописать Вам снотворное. Возможно, сон окажет на Вас излечивающее влияние.

– Да. Думаю, это буде хорошо. Возможно, я даже снова увижу этот сон.

Этьен снова перемотал плёнку.

– Запись сорок первая. День добрый, Жан, – голос был тот же.

– Здравствуйте, доктор.

– После выписки мы долго не виделись. Ты пропустил несколько встреч. Что случилось?

– Я знаю, доктор. Простите. Просто в моей жизни появилась девушка.

– О! Так это замечательно.... И как её зовут?

– Диана. Она красивая.

– Можно будет с ней познакомиться?

– Нет. Эм, – Жан запнулся, подбирая слова, – Мы скоро уезжаем в путешествие.

– Даже так! Это просто потрясающе! Ты быстро идёшь на поправку после своей трагедии.

– Трагедии? – голос Жана был удивлённым.

– Ну да... Трагедии.

– А, Натали... в жизни всякое случается.... – голос паци-

ента был пренебрежительным, – Если она решила уйти от меня... то и пускай.

– Уйти от Вас... Жан, Вы...

– Доктор, прошу меня извинить, – в голосе пациента появились капли раздражения, – мы можем перенести наш разговор на следующий раз? А то я опаздываю на встречу со своей девушкой.

– Что ж... думаю, мы можем продолжить в следующий раз. Но мы должны будем вернуться к этому разговору, насколько бы он неприятен для Вас не был.

– Хорошо, доктор. Я пойду.

– До свиданья, Жан. До следующей недели.

Этьен нажал кнопку «стоп».

– Это была наша последняя встреча, – доктор вздохнул, – Вы пережили страшную трагедию... смерть своих близких, и в их смерти Вы винили себя. Эта вина и заставила ваш мозг искать защиту, уютное место, без переживаний и упреков самому себе. Вы стали видеть яркие сны, и с каждым днём ваше эмоциональное и духовное состояние выправлялось. Я думал, что в этом и есть ваше спасение, я собственноручно вёл Вас к могиле забвения, прописывая Вам снотворное. Тогда ещё о Диане никто не знал. Вы были первым заболевшим. Но она, Диана, как вирус, как неизвестная психологическая бацилла начала своё распространение. И до сих пор неизвестно, как она попадает в мозг людей. Есть теория... Кто-то слышит Ваш шёпот во время сна, потом этот кто-то

тоже шепчет другому... другой следующему, пока болезнь не находит ослабший мозг.

Как грипп, как чих... как кашель. Как простуда для мозга. Я понял, что я дал почву этой болезни,... значит, я и должен был её уничтожить. Я искал лекарство, но сумел найти только «вакуумный сон». Но теперь... мне кажется, я знаю, как лечить Диану. И Вы мне в этом поможете».

– Я? Каким образом. Я до конца ещё не верю Вам.

– И это хорошо. Пока что Вам не нужно терять связь с тем миром.

– И что же Вам от меня нужно?

– Вы должны застрелиться. Застрелиться в том мире. Во сне. Тогда мозг проснётся, мозг отсеет ту реальность – ведь там Вы будете мертвы.

– Застрелиться?! – Жан рассмеялся.

– Послушайте, – голос Этьена остался спокойным, он был готов к такой реакции, – Я знаю, что это всё звучит абсурдно, но поймите. Запомните! Я рискую многим. Я знаю, что тот мир логичен и заманчив, и что Вы захотите остаться там. Но я прошу Вас, ищите изъяны там. Ищите ляпы. И запомните вот ещё что...

– Что же?! Может, под каким углом надо стреляться?

– Смешно... Я хочу, чтобы Вы запомнили одно... револьвер лежит в ящике моего стола... В кабинете.

– Зачем Вы мне это говорите!

– Просто запомните это! – Доктор залез в карман своего

халата и достал шприц с короткой иглой. Внутри, на пару делений, шприц был заполнен мутноватой жидкостью.

– Зачем это?! – Жан вжался в свою кровать.

– Это выдержка коры из сонного дерева. Я отправляю Вас в тот мир. Помните, ищите ляпы! Револьвер лежит в ящике моего стола.

Доктор ввёл лекарство и отошёл от кровати пациента. Улыбнувшись напоследок, он направился к двери.

– Надеюсь, мы с Вами ещё поговорим, – Этьен вышел, и Жан слышал, как хлопнула дверь.

Жан подёргался ещё раз, на прочность проверяя ремни. Всё так же туго.

Посмотрел в потолок... медленно, плавно потолочные трещины и неровности стали растекаться, двигаться.

Жану стало тяжело дышать, ремни словно начали сдавливать рёбра. И вот он почувствовал, что под их давлением проваливается в матрац. Всё глубже и глубже – пока вся палата не превратилась в чёрное ничто. Новый вакуум.

А потом был яркий свет и пустоту стали наполнять звуки птиц. Яркий, бездушный свет превратился в солнечный.

Кислорода стало мало, и Жан глубоко вздохнул. Вздохнул и поднялся на кровати. Он был в своей палате, в той, в которой маленький рыжий сорванец выбил у него лекарства. В той, в которой он повалился на пол и провалился в кошмар. Он снова здесь, судьба дала ему ещё один шанс.

– Жан! Ты очнулся! Господи! Позовите доктора Этьена! –

это был знакомый голос, голос его любимой Дианы.

Жан повернул голову и увидел её, всё такую же красивую и улыбочивую, несказанно радостную и плачущую. Она подбежала к нему и обняла его.

– Проснулся. Ты проснулся! Доктор говорил, что лечение подействует, и оно подействовало! – она душила его в объятиях.

– Сколько... сколько я спал?

– Около трёх дней. Медсестра нашла тебя на полу на утро среды. Лекарства валялись за тумбочкой. Почему, ну почему ты перестал их пить?! Что такое с тобой произошло!

– Мальчик... – у Жана кружилась голова, – Он выбил лекарства у меня из рук. И убежал.

– Мальчик?

– Да, он лежит здесь, в детском отделении.

– Уже нет. Его перевели в другую лечебницу, – в палату вошёл доктор Этьен.

– Доктор, Вы пришли! Вы были правы, лечение помогло! – Диана светилась от счастья.

– Я знал, что оно поможет. Теперь главное – закрепить результат.

– Доктор, мне снова снился этот же сон.

– Это неудивительно, вид вашего психологического расстройства как раз и предусматривает повторение снов, галлюцинаций или других отклонений в мозгу.

– Я там снова был привязан ремнями. Но потом, Вы при-

шли и сказали, что отпустите меня обратно.

– Наверное, как раз в этот момент начало действовать лекарство. А мозг уже воссоздал для Вас более естественную картину освобождения от сна.

– Там Вы мне сказали, что я должен... – Жан запнулся, задумался. Говорить или не говорить.

– Вы должны ЧТО?

– За... – взгляд доктора был обеспокоенный, и Жан решил довериться, – Застрелиться...

Диана округлила глаза и прикрыла рот рукой.

– Но я надеюсь, Вы понимаете, что это был всего лишь сон. И прислушиваться к нему не имеет никакого смысла?

– Да.

– Это хорошо. Такие позывы во сне, это серьёзно. Тем более, в вашем случае. Думаю, Вам придётся пройти более длительный курс лечения. Это же для вашего блага.

– И как долго мне нужно будет лежать в больнице?

– Около месяца.

Месяц! Но у нас же свадьба.

– Какая свадьба, дорогой! Тебе сначала нужно поправиться! Пожениться мы успеем всегда. – Диана погладила Жана по голове.

– Но у меня было столько планов...

– Послушайте свою будущую жену, месье Жан.

– Что ж, хорошо... главное, больше не видеть этого ужасного сна!

– Если Вы будете соблюдать все мои инструкции... я Вам это гарантирую. А сейчас.

Доктор достал шприц из внутреннего кармана своего халата и подошёл к нашему герою.

Жан невольно отпрянул.

– Не бойтесь, это простой препарат, что бы Вы не провалялись снова с летаргию.

– Извините доктор, просто после того реального сна, мне сложно привыкнуть к Вам... радушному, к человеку, который не желает мне зла.

Доктор сделал инъекцию, быстро и безболезненно. Протёр укол ваткой и улыбнулся.

– Вам стоит отдохнуть. Даже во сне мы устаём. Пospите...

– Опять спать!

– Не переживайте, снов Вы не увидите.

Диана встала с кровати и, наклонившись, нежно поцеловала Жана. Она погладила его по щеке и улыбнулась.

– Щетина тебе идёт. Я навещу тебя завтра, милый.

Доктор открыл дверь и пропустил Диану вперёд.

Мы справимся с этой болезнью, Жан.

* * *

Жан не мог нарадоваться своему возвращению домой. Он с большим удовольствием ходил на все процедуры, пил лекарства. Больница не казалась ему чем-то замкнутым и од-

нообразным. Его любимая приходила каждый день и подбадривала его. Целовала его. Врачи были улыбочивыми, все говорили ему, что он идёт на поправку. Он и сам так думал, уже более двух недель он не слышал голосов в своей голове, не видел кошмаров, жизнь налаживалась.

В целях безопасности и гарантии лечения, Жану больше не прописывали лечение обычными таблетками. Каждый день, в нужное время, в назначенную минуту, нашему герою ставили укол.

Рыжего мальчика и правда, больше не было видно, как и картин. Оказалось, как сказал доктор Этьен, данные картины попали в лечебницу по ошибке – курьер что-то напутал в адресах и привёз их сюда. И уже тут главная медсестра, подумав, что так и должно быть, приказала развесить картины по палатам и кабинетам.

Жан жил в своём уютном и комфортном мире, наслаждаясь каждой минутой. Но одно, одна вещь, как маленькая крошка в мягкой кровати, как тонкая иголка в шелковой рубашке, колола его изо дня в день.

Слова доктора Этьена, того доктора Этьена из кошмара.

Жана не покидала мысль, что сейчас он во сне. Он пробовал искать «ляпы», но забыл где и какие.

И только однажды, находясь на приёме у главврача, он стал вспоминать.

– Как Вы себя чувствуете, Жан? – спросил его доктор Этьен.

– Отлично. Я чувствую, что с каждым днём мне всё лучше и лучше! – Жан улыбался, – Даже больше нет упаднического настроения.

– Это очень хорошо. Думаю, через неделю мы сможем Вас выписать.

– Это чудесно! Мы перенесли свадьбу на октябрь. И были бы рады, если бы Вы пришли на неё.

– Оооо – Этьен расплылся в улыбке, – Это большая честь для меня. Я, конечно же, приду.

Доктор Этьен подошёл к своему столу и открыл верхний ящик. Он достал пару бланков и что-то написал на них. Поставил свою печать и протянул сложенный вдвое листок Жану.

– Это разрешение на новые лекарства для вашего лечения. Будьте добры, передайте их медсестре, когда пойдёте к палатам.

Жан встал со стула и нагнулся над столом, чтобы взять листок. И на секунду всё его нутро сжалось. Сознание перевернулось. Краем глаза, своей периферией герой увидел в ящике стола торчащую рукоятку пистолета.

Жан постарался не подать вида, что заметил револьвер, поэтому как можно спокойней взял из рук доктора листок с разрешением и удалился из комнаты.

Пока он шёл до своей палаты, в его голове жужжащим ро-ем кружились мысли. «Искать ляпы!» «Неужели, это сон!». «Диана! Ты предала меня!», «А может, это не сон, может он

просто видел краем глаза револьвер ещё тогда, давно, и во сне решил себе это повторить».

Жан зашёл в палату. Диана, как всегда, пришла навестить его.

– Что сказал доктор Этьен?

– Эм... всё хорошо, меня скоро выпишут.

– О! Это же чудесно. Он звонил мне, сказал, что после выписки пропишет тебе несколько новых лекарств.

– Да, он мне тоже это говорил. Скоро обед, может, пройдем с тобой в столовую?

– Да. Хорошо.

– Ты не будешь против, если я при тебе поем?

– Конечно нет, глупенький.

Они прошли в столовую, которая медленно стала наполняться больными. Разными больными, кто-то весело разговаривал, другие были замкнуты в себе. Кто-то громко кричал, бегал, а кто-то не мог без посторонней помощи сесть за стол. Такие разные, с разными диагнозами, но всех объединяло одно... из всех, Жан уже видел в другом мире. Таких же буйных и тихих. Видел их в своих палатах и на процедурах. В столовой и туалете.

Диана и Жан сели за стол. Перед нашим героем стояла тарелка: кусок отварной курицы, картофельное пюре, горошек.

– Здоровая пища – залог здоровой жизни, – с улыбкой на лице произнесла Диана.

– Да уж. Пускай даже она выглядит не шибко аппетитно.

Диана засмеялась.

Жан зацепил вилкой картофельное пюре и положил его в рот.

Ничего. Пустота. Как будто он жевал клейстер. Старую жвачку, без вкуса и запаха.

Жан поморщился.

– Что-то не так?

– Будь добра, передай соли. Совершенно невозможно есть.

– Конечно.

Жан взял соломку и сыпанул немного. Попробовал. Всё та же пустота. Снова взял соломку и высыпал больше. Взял немного в рот пюре. Пусто. Безвкусно.

– Смотри, не пересоли, милый.

Но Жан её не слышал. Он сыпал и сыпал соль, покрывая всю свою еду тысячью кристаллов. Сыпал и сыпал, а потом взял вилку и, зачерпнув большую долю картофельного пюре, забросил её себе в рот.

Он жевал, пережёвывал, превращая картофельное пюре в труху. Но вкуса не было.

– Милый, что с тобой, – Диана пыталась поймать взгляд Жана.

Жан не отвечал, он вскочил из-за стола и подошёл к цветку на подоконнике.

К этому времени, он привлёк внимание всех больных и нескольких санитаров.

Жан подошёл к цветку, наклонился и принялся.

Принялся сильнее.

Он не понимал, куда всё делось... запахи, вкус. Всё было пустым, белым, как лист бумаги.

Диана медленно и осторожно подошла к взволнованному пациенту.

– Дорогой, что с тобой?

Жан молчал – он глубоко дышал и молчал. Неужели,... неужели, все, что он так любил, обожал – все, во что он верил – СОН!

– Дорогой...

– Диана. – Жан глубоко вздохнул.

– Да?

– Скажи мне... расскажи мне, как мы познакомились.

– Сейчас? Думаешь сейчас время?

– РАСКАЖИ! – крик разлетелся по столовой, и в помещение повисла тишина.

– Хорошо, хорошо... Это... это было весной...

– Так, так что здесь происходит? – Это снова был доктор Этьен, один из обеспокоенных санитаров вызвал его по рации. Он стоял посередине зала и суровым взглядом смотрел на нашего героя.

– Стойте, доктор. Я хочу, что бы моя любимая рассказала мне, как мы познакомились! У меня простой срыв. Именно это мне сейчас и нужно!

– Жан...

– Нет! Не перебивайте её! Рассказывай, Диана!.

– Что ж... мы познакомились весной... В мае кажется.

И...

– Что и? – Жан напирал.

– Прости родной, я не могу сейчас вспомнить... – взгляд

Дианы был виноватым, – Я хочу, чтобы ты успокоился.

Жан сглотнул появившийся ком в горле.

– Я так и думал.

И после этих слов он сорвался с места и в несколько шагов, в несколько прыжков выбежал из столовой.

Немедленно поймайте его, – это кричал доктор Этьен, – Пока он не навредил себе или окружающим.

Жан бежал по коридору – не оглядываясь, срывая дыхание – по коридорам, сбивая пациентов и медсестёр.

Санитары бежали вслед, но не могли угнаться за ним.

Жан вбежал в кабинет главврача и одним прыжком перелетел через стол. Он открыл верхний шкафчик и вытащил револьвер.

Вбежали три санитары.

– Стоять! Я выстрелю!

Санитары замерли, стараясь не провоцировать беглеца. Из-за спин высоких санитаров показался доктор Этьен, он был спокоен.

– Жан, что происходит? – его голос был ровным, – Почему Вы это делаете, ведь всё было так хорошо. Вы шли на поправку.

– Я не шёл на поправку. Я знаю, где я! Я знаю, кто вы!

– И где же Вы?

– Во сне. Я ВО СНЕ!!! А вы, вы всего лишь плод моего воображения.

– Но, это же смешно, – Этьен выдавил подобие улыбки, – Откуда у Вас такие мысли, Жан?

– Вы мне это сказали. Вы, тот из реальности!

– Вы хотели сказать, из сна? – доктор Этьен попытался поправить своего пациента.

Но Жан лишь ещё более уверенно выставил пистолет вперёд.

– Нет. Из реальности. Тут нет запахов, нет вкусов. Всегда солнечно. Это сон. Моя девушка не помнит, когда мы познакомились.

– Жан! Жан... послушайте. Вы не чувствуете запахов и вкуса из-за лекарств, которые я Вам прописал. А Диана, ну подумайте сами, кто захочет рассказывать самую сокровенную историю любви, когда её возлюбленный в таком вот состоянии. Мозг играет с вами, Жан!

– Нет. Вам меня не обдурить, больше я не запутаюсь. Я застрелюсь, и этот мир пропадёт!

– Вы не сделаете этого, – твёрдым голосом произнёс доктор.

– Почему же?

– Я никогда не держу свой револьвер заряженным.

Ну конечно! – Жан резко поднял револьвер и приставил

его к виску. Он взвёл молоток и...

Раздался щелчок.

Револьвер и вправду был не заряжен. Жан повторил попытку.

Снова щелчок.

И ещё.

И снова...

– Схватите его и поместите в карцер – приказал Этьен.

Трое санитаров смело направились к Жану, медленно, но верно окружая его.

А наш герой продолжал нажимать на курок, отводить молоток, ... но раздавались только щелчки.

– Отойдите от меня! Нет!

Двое санитаров скрутили несчастного, а третий ввёл тому препарат, от которого в три секунды мир стал расплываться в глазах.

Жан провалился в бессознание.

* * *

Несколько дней Жан не видел света, не понимал день или ночь, не видел людей. Он то открывал глаза, то снова исчезал в небытие. Мир напоминал туман – серый, размывающий всё.

Жана держали в карцере – в комнате, которая не взаимодействовала с внешним миром. Держали связанным ремня-

ми – привязанным к кровати.

Через некоторое время, неизвестно через какое, дверь карцера открылась. На пороге, залитый светом коридорных ламп, стоял доктор Этьен.

– Доктор, это Вы? – Жан щурился от яркого света.

– Да, Жан, это я. Ты не представляешь, как ты меня разочаровал.

– Доктор, это был просто нервный срыв. Доктор, выпустите меня отсюда.

– Это случится не скоро, мой милый друг, – его голос был огорчённым.

– Но Вы не имеете права!

– Имеем, ваша Мать дала на это согласие.

– Мама, да она даже меня не навещала!

– Ох, Жан... Жан... что же я сделал не так, чем привёл Вас к этому состоянию. Я думал, ваше быстрое и такое феноменальное излечение будет моим триумфом, но нет... что-то пошло не так. Думаю, дело в лекарствах, но это мы только будем выяснять. А пока, мы не можем вас отпустить...

– Доктор! Но я понял... – Жан умолял, – это был просто срыв, прошу Вас, отпустите меня!

– Я не могу, Вы были готовы навредить себе. Вы были готовы застрелиться,... простите. Но выпустить Вас из карцера в ближайшее время было бы настоящим преступлением.

– Но доктор!

– Жан, послушайте меня, мы наблюдаем за вашим сто-

ниями и, если оно улучшится, то мы обязательно переведём Вас обратно в палаты. Хорошо?

Голос доктора был успокаивающим, убаюкивающим. С его голосом даже карцер превращался в уютную комнату, из которой не хотелось уходить – в крепость, в которой ты чувствовал себя защищённым.

– Доктор... я запутался, – на глазах появилась влажная пелена, которая вот-вот должна была превратиться в слёзы, – Я не могу отличить реальность от действительности. Доктор, прошу Вас, помогите мне.

– Мы поможем Вам, поверьте мне. Мы поможем.

– А я могу увидеть Диану?

– К сожалению. Этого пока не стоит делать. Но, думаю, через несколько дней, сразу как мы увидим улучшение, мы пригласим её. Она очень переживает за Вас. И тоже рвётся к Вам.

– Спасибо Вам, доктор. – Жан искренне благодарил доктора, – Я ведь, правда, мог застрелиться.

– Я всё исправлю, мой друг. Всё исправлю.

Доктор вышел из лазарета и, как всегда улыбнулся напоследок.

И снова вся комната погрузилась во мрак. Непроглядную, вязкую, режущую глаз темноту.

Прошло несколько часов, Жан пытался заснуть, но мозг продолжал настойчиво бодрствовать.

И вот послышался скрип замка.

Дверь карцера медленно открылась, коридорный свет залил часть помещения. Жан не видел, кто вошёл, но слышал тихие, быстрые шажки. Кто-то дотронулся до него.

– У тебя ведь почти получилось, Папа, – голос был детский.

– Эрик?

– Да. Привет, Пап.

– Я тебе не папа! Что ты здесь делаешь, тебя ведь перевели в другую лечебницу?!

– Ну вот, ты снова веришь во всякую ерунду, Папа. Тебе нужно покончить со всем этим.

– Что ты такое говоришь?

– Папа, но как ты не понимаешь, если бы это была реальность, то как семилетний мальчишка смог преодолеть половину Франции, пробраться в лечебницу и открыть лазарет?

Жан с секунду молчал...

– Никак.

– Именно...

Эрик, своими маленькими ручонками пытался расстегнуть ремни. Один за одним, это давалась ему нелегко, но он упорствовал.

– Зачем ты пытаешься меня освободить?

– Чтобы ты завершил начатое, – Эрик не отрывался от дела. Один ремень был расстёгнут.

– Но ведь если я это сделаю, то и ты перестанешь существовать.

– Папа... я и так не существую. Я вызван, я придуман тобой, защищать твой мозг.

– Значит... я должен застрелиться?

– Да.

– Но это бесполезно. Револьвер, который лежит у доктора Этьена, не заряжен, а где патроны, я не знаю.

– Он не был заряжен, потому что доктор Этьен так сказал. Он внушил тебе это, но если ты подумаешь об обратном, то револьвер будет заряжен.

– Ха... интересно. А ты смысленный малый!

– Нет, папа. Это ты умный, я – это одна из твоих извилин. Одна из твоих мыслей, только и всего.

Маленький рыжий мальчуган расстегнул последний ремень и Жан наконец смог размять свои кости. Он встал с кровати и потянулся, развёл руки.

– Уууух... Как же хорошо!

– Не трать время на ложь. Нам надо идти. Я проведу тебя к кабинету доктора Этьена.

– А санитары?

– Многие из них сейчас спят.

– А если кабинет доктора заперт.

– Он не заперт.

– С чего ты это взял?

– Главное, чтобы ты так думал.

Жан улыбнулся. Ему нужно было взять за привычку, что этим миром, в первую очередь управляет он. Он и никто дру-

гой, не придуманные им врачи, не сотворённая им девушка... никто, только он.

Они вышли в коридор и направились к выходу из карцеров.

Больница была погружена в сумрак, тут и там было видно, как мелькают фонари ночных санитаров. Было слышно, как храпят и стонут больные – как храпят некоторые из санитаров.

Эрик и Жан шли медленно, стараясь никого не разбудить – стараясь оставаться незамеченными. Мимо регистратуры и туалетов, ползком через столовую под столами, замирая на минуты в коридорах и почти не дыша около постов охраны и комнаты отдыха санитаров.

И вот они подошли к кабинету, на котором было написано «Доктор Этьен Решар. Главврач».

– Давай, папа, – произнёс Эрик шёпотом, – Помни... дверь не заперта.

Жан медленно подошёл к двери, взялся за ручку.

Дверь не заперта, дверь не заперта – повторял он себе в голове.

Он сжал ручку ещё сильнее и аккуратно, как подрывник во время работы, повернул её.

Дверь поддалась.

Жан издал звук облегчения.

Они тихо вошли в кабинет, который тонул в темноте и только жёлтый свет уличного фонаря освещал небольшой

треугольник пола.

Жан подошёл к столу и открыл его, револьвер лежал под стопкой бланков. Взяв его в руки, Жан сразу проверил наличие в нём пуль.

– Отлично, он заряжен.

– Ну что ж, Папочка – думаю, нам стоит прощаться, – мальчик помахал рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.